

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

**КАТЭР ВЭЙ
МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ**

ИДДК

Катэр Вэй

S-T-I-K-S. Мечты сбываются

Серия «S-T-I-K-S»

Серия «Мечты сбываются», книга 1

Серия «Миры Артёма Каменистого»

*текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38609873*

Аннотация

Проснувшись среди ночи, Виктор не сразу понял, что находится уже не в своём мире, а в мире, полном зомби, мутантов, религиозных фанатиков, бандитов и анархии, где выживает сильнейший и хитрейший, где совершенно другие ценности и определённые части мутантов стоят дороже золота, в мире, который не просто так зовётся S.T.I.K.S . Расстроился ли он? Запаниковал и стал проклинать судьбу? Нет. Виктор давно мечтал о подобном месте, и высшие силы, подслушав его мечты, сделали щедрый подарок. Но этого ли он хотел на самом деле? Виктору предстоит открыть много нового, переосмыслить свои взгляды на жизнь, почувствовать себя по-настоящему живым и нужным, познать радость верной дружбы, вновь ощутить горечь потерь, стать очевидцем и участником пыток, массовых убийств и не растерять при этом человечности.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	54
Глава 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Катэр Вэй

Миры Артёма Каменистого.

S-T-I-K-S. Мечты сбываются. Книга 1

Пролог

*В большой реке большую черепаху поймает женищина
в воскресный день.*

*Рассыплется броня в её руке, окутает всю реку
страхом.*

На женищину наляжет «тьень».

*Перста чернеют и болят, язык немеет и тускнеют
очи, и новую чуму она родит.*

А тысячи людей кричат...

*Лекарство – жрать себе подобных дух дьявола
велит.*

*Бессмысленна война и отблеск разрушения терзает
души тяжело больных.*

*Затмило Солнце пламени стена и Божье
уничтожено творенье,*

*Остаток некрасивых и кривых пирует на осколках
мира...*

Стою на крыше высокого здания. Сумрак вокруг. В лицо дует холодный, морской ветер. Город светится, двигается, дышит, живёт своей жизнью. Нарастающий гул откуда-то издалека приближается очень быстро. Ноги вдруг ощутили вибрацию, маленькие камушки запрыгали, затанцевали сумасшедший танец в лучах смерти, которая неслась со стороны океана, огромной, оранжево-чёрной волной страшного голода, ярости, страха, боли и смерти. Много смерти...

– Хух!

Резко сел на кровати. Дышать тяжело. Весь мокрый, в холодном поту. Сердце бешено колотится, как после стометровки.

Давит... Как же сильно давит. Дикие волны. Ярость! Голод! Страх! Смерть! Боже, что это?!

Я схватился за голову обеими ладонями.

– М-м-м!

Трясущимися руками добрался до фляги. Крышку открыл с большим трудом, пальцы не слушались, соскальзывали. Судорожно глотая, половину пролил на себя.

Эта злобная волна эмоций и разрушений несётся с юго-запада прямо сюда, в Светлый!

Нащупал в кармане брюк телефон, подаренный Арманом, набрал номер Седого.

– Да! Кто это? – раздалось с того конца.

– Док! Док это! – прохрипел я, пытаюсь говорить как можно громче и чётче. – Седой, к нам несётся огромная стая му-

тантов! Их тысячи, Седой! Эта миграция! Миграция орды!

– Уверен?!

– ДА! ДА! – голос вдруг прорезался, я уже почти орал во всю глотку. – Я их чувствую! Я сейчас тут просто сдохну от наведённого фона их эмоций! Седой! Поднимай всех, времени мало!

– Понял!

Раздались гудки. Набрал Лешего.

– Кому не спится?

– Леший, просыпайся! Огромная стая идёт прямо на нас!

– Какая стая?! Ты кто? – спросил Леший сонным голосом.

– Док! Леший, это я – Док! Мутанты ордой идут, командир! Тревога! ПОДЪЁМ! Ребят буди!

Вдруг в комнате над дверью замигала жёлтая лампа, и раздался противный звук, заполняя всё пространство, ввинчиваясь в мозг.

– Бзть! Бзть! Бзть!

– Это тревога?! – Удивился я, – вот, оказывается, что это за лампы во всех комнатах напиханы, а я целый час выключатель от них по всему дому искал. Охренеть!

– Подъём! Общая тревога! – Раздался громоподобный бас в трубке. Эти слова явно не мне предназначались.

Я нажал отбой разговора. Предупредил... Успел... И упал, потеряв сознание от зверской подвижности неисчисли-
мых эмоций...

Глава 1

Вечер как-то не задался. Хотел отоспаться после выматывающего дежурства в тишине и спокойствии, но набирающий обороты скандал за стеной у обычно мирных соседей всё больше давил на нервы. Когда очередная тарелка с оглушительным звоном встретила со стеной по ту сторону, я повернулся набок, натянув край подушки на ухо. Боже, как же они раздражают...

Безуспешно проворочавшись с минуту, встал с дивана, вышел на балкон, закурил.

Мозг охладила темнота, разжиженная фонарями и светом из окон. Внизу проезжают редкие машины, где-то хрипло лает собака, стрекочут цикады, наслаждаясь прохладой после летнего зноя. Лёгкий ночной ветерок шелестит листвой. Одинокий прохожий куда-то спешит. Домой, наверное, к семье.

Вздохнул, с завистью наблюдая за растворяющейся в ночи спиной мужчины.

Кто-то неумело перебирает аккорды на гитаре. Невольно перевёл взгляд на источник звука. Соседская шантрапа занимается с девушками на детской площадке, хохочут.

Юность... Вся жизнь впереди, ещё нет ни забот, ни хлопот; все проблемы «вселенского масштаба» не стоят на деле и выеденного яйца. Как же хорошо было тогда, в таком уже

далёком прошлом. Не ценил в те годы любовь и заботу близких, друзей...

На душе заскребли кошки, глубоко впившись острыми когтями, медленно проводя ими вниз, снова и снова. Ноющая, тянущая боль, сконцентрировалась в районе солнечного сплетения. Хотелось разодрать руками грудную клетку, вынуть эту истязющую всё нутро дрянь и раздавить.

Не задумываясь обменял бы свою жизнь на их жизнь. Если бы я только мог... Если бы мог... Простите меня...

Как хочется вернуть время назад, на четыре года. Как много не успел сделать, не успел сказать. Тяжко на душе, ох, тяжело. Горько и тоскливо. Почему так мало уделял времени семье...

Злость на самого себя булькала раскалённой лавой, словно в жерле вулкана. Пальцы левой руки впились в холодный металл балконных перил, до боли, переходящей в онемение.

Затянулся поглубже, выдохнул. Ветерок подхватил клубы дыма, понёс их куда-то на юг.

Девчонки засмеялись, заливисто и звонко. Звук гитары стих, с площадки доносились голоса и хохот. Наверно, анекдоты шпарят... Эх, молодёжь...

Люди не понимают своего счастья до тех пор, пока не потеряют его. Почему человеку нужна хорошая встряска для осознания своих ошибок, для пересмотра ценностей? Что нужно для счастья? Деньги, карьера, понты... Мусор! Дым! Всё это фантомы, навязанные и придуманные кем-то. Что с

ними будет, если придёт конец цивилизации? Кому всё это будет нужно? Весь этот хлам бумажек с городами и рожами? Как же бесит... раздражает навязанная система приоритетов социума. Куда бы от неё деться... может в горы уйти? Уволится к чёртовой матери, собрать всё необходимое для выживания в дикой среде и ну её в пень, эту цивилизацию? Заберусь в глухомань, поставлю палатку, а потом и домик построю... заведу собаку... и гори оно всё прахом.

В душу заползал мрак, заполняющий собой все пустоты. Захотелось попасть в мир полного хаоса, где людям дорог каждый прожитый день. Вспомнились многочисленные фильмы про апокалипсис, природные катастрофы и нашествия зомби.

Подобные размышления приходят уже далеко не в первый раз. Наверно, всё это влияние книг и фильмов, поглотившие всё моё внимание и свободное время последних двух лет. Очень сильно присел на тему «выживальщины». Каждую свободную минуту копался в Интернете, собирая всевозможную информацию, углубился в изучение оружия. Записался в тир, чтобы научиться стрелять, так как в армии не служил. Стал посещать спортзал, бассейн. Ещё я обошёл всю больницу с прилегающей к ней территорией, отшагал от дома до работы и от супермаркета до дома, замеряя время на дорогу.

Знать время передвижения от точки «А» до точки «Б» очень важно: информация, вплоть до мелочи, может спасти

жизнь во время общей паники. Важно знать пути отхода. Также, продумал дорогу из города и даже собрал тревожную сумку, точнее, рюкзаки – аж три штуки, которые в данный момент покоятся в машине, в квартире и на работе. Ну, на всякий случай. И это только верхушка айсберга под названием «безумие Виктора Анатольевича».

На работе на меня давно уже смотрят, как на конченного параноика. Зарождающиеся романы очень быстро сходили на нет по той же причине, хотя внешность всегда притягивала слабый пол. Вернее, не столько внешность – глаза. Природа наградила меня тощим телом, смуглой кожей, чёрными волосами и тёмными синими глазами с длинными ресницами. При росте метр семьдесят пять я никогда не набирал больше шестидесяти пяти килограмм веса. От постоянного недосыпа и нервов, под глазами залегли чёрные круги. Мой греческий нос, на фоне изнеможённого лица, казался костистым и выдающимся – как клюв у совы. Ну, прям, вылитый Гойко Митич, только замученный сильно.

К психологу, что ли, сходить? Может, не так уж и неправы мои сотрудницы.

Почесал подбородок в раздумье. Хм, щетина... Брился же только вчера утром, бороду, может, отпустить...

– А что, буду brutальный такой мачо, – хохотнул. – Или чмо бомжеватого вида.

Хочется, но работа не позволяет. Нельзя мне бороду... Не гигиенично, блин...

Затушил сигарету в пепельнице. Постоял, вдыхая вечерний воздух, медленно, через нос, наслаждаясь прохладой. Приятно...

Лето уже почти закончилось, а жара всё не спадает. Не люблю жару, но и холод собачий тоже не по мне. Ранняя осень, или поздняя весна – вот это любимая и комфортная температура.

Кофе, что ли, выпить?

А соседи всё орут. Что же они не поделили? Лишь бы до травм не дошло. Вот уж точно, странное дело.

Обычно тихие, приветливые люди предпенсионного возраста. Живут с маленькой собачкой, болонкой, кажется. Плохо я разбираюсь в породах этих мелких недопсов. Собака размером с кота или меньше, по мне – так и не собака вообще. Так, тапочек лающий. Лучше уже кота завести, он хоть не гавкает, мышей ловит, польза какая-никакая, и ботинки не грызёт, не то что, “эти”.

Зашёл в комнату. Взгляд упал на книгу с надписью S.T.I.K.S на обложке и мужиком на велосипеде и котом на плече, удирающий от голодных зомби. Хорошая серия, третью читаю. Купил все четыре; жаль, больше пока нет.

Прихватил с собой, направляясь на кухню с целью набега на ночной кофе и поздний перекус.

Соседи, вроде как, притихли. Хорошо; надеюсь, помирились.

– Та-а-ак, что у нас в холодильнике водится?

Стою у открытой дверцы с задумчивым видом, почёсывая тапкой правой ноги левую.

Да, я давно уже разговариваю сам с собой, с предметами, с телевизором. Года четыре почти. Как раз после гибели родных и начал. Так вроде как легче, не так сильно ощущается гнетущее одиночество пустого помещения.

– Ага, ветчина! Сыр есть. Это хорошо. Это уже почти бутерброд.

Живот залился голодной трелью.

– Да-а не рычи, сейчас накормлю, вот хлебушка только найду.

Щелк! Чайник закипел.

– Угу, сначала кофе, потом бутер.

Ложка кофе, две – сахара, кипяточка влил. Всё, пусть заваривается. Вернёмся к ветчине с сыром.

– О-о! Ещё и картошка, жаренная с грибами, осталась, – озвучил, открывая крышку пластиковой тары, понюхал.

Вроде, пахнет сносно, но всё же как-то очково. Третьи сутки уже стоит, грибы всё же.

Желудок снова скрутило от голода в новом приступе.

– Ай, да ладно, где наша не пропадала!

Потянул пластиковый контейнер с картошкой в микроволновку.

– Ну, тогда коньячку точно не грех, для сна хорошего. Где-то должно остаться немного...

Целую тару распечатывать не хочется, пью редко в послед-

нее время.

Заглянул в верхний шкаф. Нету.

– Хм...

Искомое нашлось в нижнем.

– Ага, вот она, родная!

– А это что у нас тут? Огурчики маленькие, солёные? Тоже на стол. Ну, вот, целый пир получился, а не скромный перекус.

– Бздынь! – микроволновка сообщила о готовности запиханного в неё продукта.

Содержимое – в тарелку, захватить вилку, чуть не забыл: стопку.

Подходящих стаканов для коньяка здесь не водилось, хоть и предпочитаю сей напиток остальным, да и благодарные пациенты чаще его дарят, нежели что-либо другое. В итоге скопилась приличная коллекция алкоголя: от слабого ликёра до крепких напитков, ценой по несколько тысяч за бутылку. Но вот стаканами как-то не обзавёлся. Гостей не бывает, а мне одному и так сойдёт. Не эстет я.

Всё. Наконец-то, уселся. Втянул носом запах горячей картошки.

– Ммм, ням-ням...

Ого! Кажется, кишка на кишку войной пошли! Это уже серьёзно, пора есть.

Коньяк мягко обжёг гортань, расплываясь приятным огнём по всему пищеварительному тракту.

– Ух! Хорошо!

Немедля набросился на картошку, прикусывая бутербродом и огурцами.

Утолив первый голод, легонечко похлопал себя по животу.

– Что, успокоились? Ну, можно ещё одну.

Вторая стопка пошла ещё мягче, приятно грея внутренности. Доел картошку, бутерброды. Остатки огурцов убрал в холодильник. Подрезал на тарелку ещё немного сыра на закуску – там как раз грамм пятьдесят осталось. Посмакую с расстановкой и удовольствием.

Глянул на кружку с кофе. Он не только хорошо заварился, но и хорошо остыл. Не, кофе чего-то уже не хочется. Пока... Новый потом сделаю.

Протёр стол тряпкой, вымыл руки. Полотенце бы уже в стирку пора.

Уселся у стола, взял книгу.

– Та-а-к, где мы там остановились? Кажется, глава двадцать шестая. Ага, точно.

Пролистав до нужной страницы я с вожделением впился в строки текста:

«Глава 26

Утро встретило солнечными лучами, пробивающимися через окна, и дикой слабостью охватившей тело. Карат с трудом поднялся, тут же закашлялся с такой натугой, что невыносимо заболело в груди. Хлебнул живчика, слегка отпусти-

ло, но состояние по-прежнему прочно держалось на отметке «Паршиво».

Распухшая голень выглядела неприглядно, но, меняя повязку, убедился, что рана уже подсохла. Всё никак не мог привыкнуть, что повреждения здесь зарастают на глазах. Болит до слёз, но уже не так невыносимо, как поначалу. Терпимо.

Кот с намёком задел ногу хвостом, пришлось и ему плеснуть. Деловито понюхал, попробовал, поднял голову, уставился с молчаливым укором. В глазах отчётливо читалось, что намекал он не насчёт попить, а насчёт брюхо набить. Но с этим Карат помочь не мог...»

* * *

– Ой, моя шея! – простонал, потирая затёкшую часть тела, крутя головой, разминая плечи, приводя их в чувство.

Как же я так уснул, прямо за столом? Со студенческих времён такого за собой не помню.

– О-о-х, кажется, мозг отсидел! – Встал, потирая поясницу и пятую опорную точку. Кровь прихлынула в онемевший участок тела, неся с собой тысячи мелких игл. Я вспомнил анекдот про несчастного ежа. Вот да, почему севшие на ежа, всегда жалеют свой зад и никогда не задумываются о судьбе бедного животного?

В голове шумит очень, недобро так, подташнивает чуток.

Вздохнул.

От коньяка? Да не, не может быть, хороший коньяк. Картошка с грибочками! Вот, знал же, что есть не стоит. Вот тебе русский “авось”.

Глянул на часы, мирно тикающие на стене. Фосфорные стрелки показали четыре утра.

– Ещё спать да спать. Покурить и пойти баиньки?

Развернулся, задев что-то рукой.

– Бздынь! – Ноги обдало мокрым, холодным.

– Ох, ё! Кофе!

Кажется, кружку разбил...

Нащупал выключатель на стене. Щёлк, щёлк – света нет!

Выглянул в окно: темнота по всему району, насколько хватало глаз.

– Ну, вот, ещё и это счастье для полноты событий. И как прикажете теперь убирать в потёмках? Может, до утра оставить? Не, засохнет, потом зубами не отскоблю. А свечек дома нет. Лезть в рюкзак за фонарём? Да ну его, неохота.

Электричество обычно не отключают, и ужины при свечах я тоже не устраиваю. А жаль, сейчас бы свечка пригодилась. Телефоном, что ли, подсветить?

Дай бог памяти, только, вспомнить, где я его оставил.

Шлёпнул мокрыми тапками по кафельному полу.

– Не, так дело не пойдёт, сейчас всю квартиру загажу. – Вынул ногу из тапки, сделал широкий шаг вперёд, стараясь переступить невидимую лужу с осколками. Страхнул второй

и, выставив перед собой руки, аккуратно двинулся на поиски телефона.

Нашарил дверной проём в гостевую комнату. Где-то там, кажется, на книжном столике, между диваном и креслом. Сделал шаг, разворот направо. За ковёр не запнуться бы.

Ещё шаг, другой. И всё же налетел на кресло, при этом больно ударив большой палец правой ноги.

– Ы-ы-ы-ы, мать твою! – взвыл, хватаясь за ушибленную ногу.

Буквально плюхнулся в кресло, баюкая повреждённую конечность. Сон как рукой сняло.

– Всё, поспал, растудить твою в качель!

Аккуратно ощупал каждый палец.

– А-а-й-о!

Вот он – большой! Кажется, вывих. Прощупал на случай перелома.

– Выбил, собака!

Кость цела, обошлось. Ладно, сейчас вправим. Не зря же я врач. Главное, чтобы самого себя оперировать не пришлось, а вывих – это ерунда. Прорвёмся.

Хрусь!

– А-й-и-и-и ёкарный бабай! Бля-а!

Отдышался, пошевелил пальцами ноги.

– Угу, вроде нормально. Хорошо. Так, где телефон?

Пошарил руками по столику – нашёл. Нажал боковую кнопку. Семь минут пятого. Включил фонарь.

Нужное приложение, особенно сегодня.

Прихрамывая, вернулся на кухню оценить масштабы бедствия.

Ну-ус, масштабы не так уж и велики, вот только обуться надо, пока осколок не поймал.

В прихожей нашёл сланцы, в ванной взял принадлежности для уборки, вернулся на кухню и задумался.

А телефон я как, в зубах держать буду? Так утопить или разбить аппарат недолго.

– О, есть идея!

Вернулся в ванную комнату, взял небольшое зеркало, сантиметров пятнадцать в высоту, стакан. Сунул туда телефон и установил так, чтобы луч света отражался в зеркале, рассеиваясь по всей кухне. Все, теперь светло и руки свободны.

Смёл осколки, протёр пол, шкаф, стену. Вроде, чисто. Кружку жалко, недавно подарил благодарный пациент. Хорошая кружка, нравилась. Ну, теперь точно надо покурить.

А света так и нет. Наверно, что-то серьёзное.

Включил кран вымыть руки. Вода еле течёт.

– Да что за фигня: воду отключили, вот гады!

Надо хоть графин с чайником набрать, пока ещё можно. Когда там её дадут, а в магазин с утра идти из-за воды неохота.

Набрал заодно и во все кастрюли, в тазик, даже в ведро для мытья пола. Струйка совсем тонкая течёт. Пока набирал, успел два раза покурить.

На улице темень крошечная и тишина. Странная какая-то, липкая, глухая.

Хлопнул в ладоши. Не, уши в порядке. Это аномалия, видимо. Хотя нет, почему аномалия, я где-то когда-то читал, что в природе бывает такое перед рассветом, когда замирает ветер и вся живность. Наступает оглушительная тишина, но ненадолго, буквально на пару минут.

– Хм, но не в этот раз. Природа выключила звук, позабыв включить?

Пилимк!

«Критически низкий уровень заряда батареи!» – сообщил телефон.

От этого «Пилимк» я чуть с балкона не спрыгнул от неожиданности, проникшись такой мёртвой, обволакивающей тишиной.

– Как затишье перед бурей. Точно! В душе что-то шевельнулось и напряглось. Стало жутко.

Щёлкнул пальцами, выкидывая сигарету. Красный огонёк закувыркался, летя вниз, и рассыпался искорками, встретившись с асфальтом. Проводив его взглядом, поймал себя на мысли, что я один во всей вселенной, или по крайней мере в своём районе. Один живой человек... брр. Спину обдало холодом, я передёрнул плечами и зашёл в комнату.

Телефон стоял на книжном столике в стакане и мигал.

– Что мигаешь, жрать хочешь? Ну да, это тебе не хухры-мухры полтора часа фонарём светить. Отдыхай пока. – И

нажал на отключение полностью.

Вдруг позвонить придётся, а батарея совсем сядет. Нехорошо.

Постоял немного, привыкая к темноте. За окном занимался рассвет. До кровати не дошёл, устроился прямо на диване, закутавшись в плед. Прохладно стало...

Уснул.

* * *

Кто первый проснулся: я, головная боль, или эта твякающая зараза за стеной? Риторический вопрос.

– О-о-о-й, да заткните вы её уже, наконец! – закрыл уши ладонями, со стоном зарываясь головой под подушку.

Ну, что за гадкое создание! Как им самим не противно слушать её бешеное визгливое твяканье?

Натянул подушку на голову, пытаюсь хоть как-то заглушить кошмарный звук.

– У-у-у-у... ещё и тошнит. Проклятье. Грибочки, блин.

Резко сорвался с дивана, буквально бегом подлетел к унитазу.

Приступ рвоты повторился ещё дважды. Головная боль усилилась. Пульсирующая, в основном, в области затылка. Накатила жуткая слабость, тело не слушалось и дрожало как в лихорадке, кишечник пылал огнём.

Трясущимися руками взял рулон туалетной бумаги, спол-

зая по стеночке на пол. Одышка, в глазах всё плывёт. Замерил пульс.

– Ого, двести сорок! Аритмия.

Это совсем не пищевое отравление картошечкой. Тут что-то гораздо серьёзнее. Надо скорую вызывать. Добраться бы до телефона, а он у меня, как обычно, валяется неизвестно где.

Кое-как оторвал кусок туалетной бумаги от рулона и вытер лицо.

Умыться надо. Пить хочется, очень. Вот где минус одиночества: помрёшь, никто и не заметит, даже воды подать некому, как бы банально это ни звучало...

Грустно улыбнулся, закрыл глаза. Медленный вдох через нос, медленный выдох через рот.

Дыхательная гимнастика иногда инсульты предотвращает, а у меня, похоже, к тому всё и идёт. Повторил процедуру ещё пару раз. Замерил пульс.

– Хорошо. Снижается.

Теперь тихонечко, не вставая, переползаем к тазу с водой. Он как раз на ведре стоит, невысоко.

Дополз. Одной рукой держась за край ванны, чтобы не упасть, другой зачерпнул пригоршню и попытался умыться. Получилось плохо, только намочил всё, до лица вода не дошла. Ну, хоть мокрой, холодной рукой обтёрся – и то сгодится.

Повторил попытку. В этот раз удачнее, даже шею протёр.

От холода стала немного отпускать боль в затылке.

А собака всё лает и лает: злобно так, аж захлёбывается, периодически переходя то на визг, то на хрип. Вдруг за стеной что-то грохнуло, раздался звук бьющегося стекла, и психа замолкла.

– Надеюсь, это ею в окно зашвырнули.

Пить хотелось ужасно. Все внутренности сводило. Смешно: сдохнуть от жажды рядом с ведром воды. Надо извернуться и попытаться напиться, не упав. Только извернулся, припав к тазику, как эта тварь снова залаяла, но не злобно, а скорее испуганно. Опять послышался грохот, будто пьяного слона запустили в посудную лавку, и он там мечется, в поисках выхода и попутно круша всё и вся на своём пути.

Лай перешёл в визг, больше похожий на вполне различимое «ай-ай».

Я слышал такой то ли скулёж, то ли лай боли, когда на трассе собаку сбила машина.

И вдруг, звук резко оборвался. Всё, тишина. Какая-то пугающая тишина, жуткая... волосы на затылке и руках ощутимо приподнялись как наэлектризованные.

Но жажда вывела из ступора, заставила двигаться. Нагнулся, продолжив начатое. Умогнулся более удобно. Пол, вроде, не качается, в глазах почти не двоится, тремор конечностей утих.

Напившись, сунул голову в таз.

– Ух, хорошо!

Даже боль немного притупилась, но жажда вернулась с прежней силой. Сердечный приступ, что радовало, кажется миновал, теперь главное – не нагнетать, а тихоходом двигаться к комнате.

Кресло приняло моё несчастное, мокрое тело в свои объятия.

Так, позвонить в скорую. Вот номер Люси, сегодня её сме-на.

В телефоне тишина, гудков нет. Ещё раз набрал, приложил трубку к уху – глухо. Ни звука. Уставился на дисплей непонимающим взглядом: значка антенки нет. Глаза ещё больше увеличились.

– Мдя, дела, однако. – Прицокнув языком полез пятернёй чесать черепную коробку. Мыслей было много, но дельной – ни одной.

Положил телефон на столик, откинулся на спинку, пытаюсь максимально расслабиться и обдумать сложившуюся ситуацию: света нет, воды нет, связи нет... Ох, и смутные у меня такие подозрения закрадываются, сродни безумию. Ещё и это странное, отвратительное самочувствие, в придачу к неуёмной жажде... Не! Не может этого быть! Бред! Слегка потряхивает, голова пульсирует, мутит, словно после похмеля. Я просто отравился, или скакнуло давление, или ещё чего, то, что можно объяснить, то, что реально и логично. Но мысли всё равно выдавали безумный вариант произошедшего, давя логикой.

– Ну да, ну да, все признаки спорового голодания и съевшей крыши заодно в придачу. Дочитался Витя до белочки – Хи-хи. Ой, мамочки, не могу! – Хи-хи-хи! Стикс, ну, да, – зашёлся мелким, истерическим смешком.

– Грибы меньше жрать надо, трёхдневной давности! – трясущейся рукой утёр выступившую слезу.

Смех смехом, но что-то явно происходит, и что – надо узнать. Мало ли, вдруг авария какая серьёзная, и эвакуируют уже всех, а я тут валяюсь. Да переодеться надо, пока не простыл, это не Стикс, где никакие болезни не страшны.

Глава 2

Подумал и осторожно выглянул на улицу.

Вижу: бегут двое в камуфляже, с огнестрельным оружием. Один сильно хромот, припадая на правую ногу, придерживая рукой правый же бок. Похоже, сильно ранен.

Военные? Террористы? Кто они?

Бежавший впереди остановился, развернулся и, наведясь на раненого, выстрелил. Но не в него, а куда-то тому за спину – в того, кого не вижу – ракурс неудобный. Двигаться опасюсь: могут заметить с улицы.

Стреляющий что-то проорал, явно поторапливая раненого, и сменил магазин автомата.

В доме напротив, на втором этаже, разлетелось окно, и огромное тёмное существо выпрыгнуло оттуда прямо на голову только что стрелявшего парня.

Мои глаза полезли на лоб. Кажется, я даже забыл, как дышать.

Это реактивное нечто чем-то напоминало двухметровую гориллу, претерпевшую мутацию. Она была тёмного цвета, без шерсти, вся кривая и сильно накаченная, но при этом очень быстрая и пластичная. Массивные, бугристые от мышц плечи переходили в уродливую голову с огромной пастью. Шей не было вообще.

– Ну и зубищи!

Даже с моего четвёртого этажа была видна эта гигантская челюсть.

Гипертрофированные мышцы огромных ног, с вывернутыми назад, как у кузнечика, коленными суставами, длинные руки с огромными когтями. Пальцев, кажется, не пять, а то ли три, то ли четыре, сама кисть сильно деформирована. Существо на редкость вёрткое – хватило одного удара такой лапой, и человек отлетел, как изломанная кукла, разорванный практически надвое.

Раненый вскинул автомат и открыл огонь по горилле-переростку, которая уже развернулась в его сторону утробно заурчав. Моя спина покрылась холодным, липким потом от этого звука. Кажется, пули не причиняли особого вреда чудовищу. Оно только плечом повело от попадания, пригнулось, изготовившись к прыжку.

Раненый бросил оружие, завозился с чем-то на разгрузке. Чудовище прыгнуло, подмяв его под себя, и в ту же секунду грохнул взрыв. Облачко дыма стелилось по кровавому асфальту дорожки, не спеша поднимаясь и рассеиваясь. Дымились и тела.

Монстр ещё шевелился, скребя лапами тротуар, пытался уползти прочь. Брюхо разорвано, кишечник волочился следом, оставляя чёрную, кривую полосу на асфальте. Нижняя челюсть, кажется, отсутствовала, и не было правой, передней лапы. Она валялась рядом с останками человека. Кушать мутанту, судя по всему, перехотелось.

– ЧЁРТ! ЧЁРТ! ЧЁРТ! Что это такое?! – Я схватился за голову, вцепившись в волосы, медленно сползая по стене на пол. То ли стон, то ли хрип вырвался из моего горла.

– Это безумие....

Меня вновь вырвало.

Стою на карачках в спальне и блюю на собственный пол...

Отблевавшись, утёрся краем покрывала с кровати, отвалился к стене. Руки дрожат, челюсть отбивает дробь, по всему телу озноб. На ватных ногах поднялся к окну, выглянул в щёлочку.

Тела никуда не делись, лежат себе так же, как и пять минут назад, только лужа крови растеклась под первым стрелком. Второй почти целиком лежал на газоне, под кустом. Мутант далеко не уполз, затих бездвигжно. Сдох, наверное. Надеюсь.

Снова сполз на пол.

– Так-так-так, если это не бред, и я не спятил, то это – Стикс, и это только что у моего дома матёрый мутант порвал рейдеров. Кусач? Топтун? Рубер? Нет, для Рубера, вроде, маловат...

Глянул на лужу блевотины, перевёл взгляд на свои трясущиеся руки.

– Споровое голодание? Если это так, то нельзя терять время – дальше будет только хуже – загнусь и сдохну. Надо идти вниз.

Стало страшно, по-настоящему страшно.

– Нет, это не может быть правдой! – подавлено произнёс

сам себе.

– Я сейчас спущусь – а там ничего не будет, потому что всё это – галлюцинации от грибов, помноженные на обильное чтение про зомби-апокалипсис, – успокаивал я себя. Пытался успокоить, хотя, в глубине души, почему-то, надеялся, что это именно так, именно Стикс.

С трудом поднялся на ватных, подкашивающихся ногах, держась за стену. Надо глянуть, что на той стороне дома происходит, всё же проезжая часть улицы.

Добрёл, шатаясь, до балкона, но выходить не стал. Выглянул точно так же, из-за угла, очень осторожно.

– Твою же мать!

Разум отказывался верить в увиденное. На улице было практически пусто. Проезжающих машин нет, только две брошенные торчат. Первая – посреди трассы с открытой водительской дверью. Вторая – чуть дальше, съехала на тротуар, открыта задняя пассажирская с левой стороны. Кажется, там какая-то возня на переднем сидении. Плохо видно, не разглядеть: далеко. По улице бродят зомби. Да, именно зомби.

Я достаточно насмотрелся на них в фильмах. Одни стоят, покачиваясь на ветру, другие бродят, бесцельно так, хаотично. На остановке видны лужи крови и разбросанные ошмётки чьего-то тела, не доеденного.

Молодой парень в джинсах и чёрной футболке добрёл до останков. Остановился, замер ненадолго, нагнулся, что-то

подобрал и сунул в рот. Постоял вот так, раком, ещё немного, видимо, пережёвывая, после чего опустился на колени, приступив к еде более основательно. На эти телодвижения обратила внимание девица в ярком лимонном платье, почему-то босиком бредущая неподалёку. Она резко сменила траекторию и довольно-таки бодренько двинулась к парню, тут же припала на колени, приступив к обеду за компанию с ним.

Да, кажется, уже время обеда, или больше? Достал телефон, тыкнул кнопку. Реакции – ноль, сдох, значит. Ладно, пока это не столь важно.

Жажда продолжала мучить с неистовой силой. Губы запеклись и потрескались, то и дело смачиваясь каплями крови. Добрался до графина. Стуча зубами о стеклянный край, практически, полностью его опустошил.

– Уфф! – выдохнул, поставив сосуд на место. Розовая капля скатилась по стеклу растворившись в остатках воды. Я пощупал губы. Болят.

Пить уже некуда, а жажда не проходит. Может, чуть меньше стала, да пожар в кишках утих. Сел на диван, упершись локтями в колени, обхватил голову ладонями. Мыслитель, блин.

– Мда... дочитался ты, дружище...

Я сейчас спущусь, вскрыю череп тому уроду, и, если обнаружу спораны, то наверняка, это – Стикс. А если нет...? Но монстры-то есть? Есть. И зомби есть. Значит, это просто

зомби-катастрофа мирового масштаба, как говорил Иваныч:
– Дохимичат они там когда-нибудь! Вот, видимо, и дохিমичили...

Во всяком случае, хватит сидеть, надо шевелиться, пока ещё могу. С этими мыслями направился в спальню, к старому шифоньеру. Там хранился тревожный рюкзак – тот самый, один из трёх. Этот основной, здоровый такой, литров на сто. Походный. Другие два гораздо меньше, в них только оружие, консервы, вода, аптечка, спирт, скотч. Всё основное – тут, и на даче ещё немалый хомяковый запас параноика.

Открыл дверцу, вытянул на свет вещи и обувь. Отличный комплект защиты заядлого мотоциклиста.

Мотоцикла у меня нет. Я на нём ездил всего пару раз ещё в юности, но вот комплект из плотной ткани прикупил, благо зарплата позволяет, да и тратить-то её особо некуда и не на кого. И вообще, что может быть ценнее жизни? А защита хороша, от укусов спасёт и не только. Медляки не прокусят – кожа жёсткая плюс местами обшита пластинами, а шустрикам погрызть придётся. При падении защитит и нож не всякий её возьмёт. Пару секунд, как известно, иногда жизнь спасает свежакам. Выжить в этом мире сложно, так что такая дорогая покупка не блажь, а необходимость. Вот и пригодилось, значит не зря купил. Следом вынул четыре коробки с патронами к пистолету ТТ, три обоймы, сам пистолет и глушитель к нему же.

Этот пистолет мне достался совершенно неожиданно, в

подарок от друга – соседа-пенсионера, покинувшего меня в прошлом году. Инфаркт, блин.

А тому, в свою очередь, в наследство от погибшего сына, оставившего после себя родителям разбитые сердца, внушительную сумму денег и немалый арсенал. Деньги они отправили в детский дом.

Иваныч говорил:

– Это плохие деньги! Не жди добра от них, а так – хоть детям польза.

А оружие припрятал. Их семью я знал давно, с детства. Простые, общительные. Светлана Николаевна меня всё выпечкой подкармливала.

– Ты, Витенька, худенький такой, аж светишься, кабы я мать твою не знала, то подумала б, шо тебя голодом морють. Феденька мой глянь какой! Во! – сжала кулак, потрясая им в воздухе. – Кровь с молоком! А ты – кожа да кости...

И всё за щеку ухватить норовила, да не было у меня их, действительно, как и сейчас нет. Комплекция такая, «гончая». Феденька и впрямь был, как бычок племенной: рослый, щекастый парень. После армии совсем, как шкаф стал, спортом занялся, бизнесом каким-то, машину быстро купил.

Я тогда ещё сопляком был. Помню, мать его гордилась всё: какой сын у неё молодец, а потом схоронили сына, неожиданно так. Моя мать сказала, что застрелили Федю случайно плохие люди.

С тех пор много воды утекло. Лет десять назад схоронили

Светлану Николаевну, остался Иваныч один. Это потом уже я узнал, что он детдомовский и вся его родня – сын да жена.

* * *

Вздыхнул, проверил оружие, зарядил, прикрутил глушитель на ствол, отложил его в сторону.

После гибели моей матери и младшего брата, Иваныч – единственный, кто помог с похоронными хлопотами. Постоянно интересовался состоянием отца, искренне переживая. После мы частенько засиживались допоздна, беседовали. Было о чём. Интересный человек с богатым прошлым, тяжёлым. Бывало, выпивали, но не часто – возраст же.

Вот в один из таких вечеров, за бутылочкой хорошего коньяка, я Иванычу поведал о своих причудах. Заодно похвастал свежим разрешением на оружие, полученным накануне. Даже немного о зомби рассказал, как о вероятном будущем, но совсем вскользь, боялся, что поднимет на смех. Однако, нет, Иваныч выслушал откровения мои серьёзно.

– Да-а-а, Вить, вполне возможно, – сказал он. – Эти ведь, там, – многозначительно указал пальцем в потолок, – в советское время химичили разное, а сейчас так и подавно. Вон, овец клонировали ещё когда, наверно, людей уже давно печатают, как на заводе, да молчат паразиты. Ох, и дохимичатся они когда-нибудь, точно.

А мне, в свою очередь, поведал об истинной причине ги-

бели сына, о деньгах, детдоме и оружии, припрятанном на даче. Напились тогда мы изрядно. После, через пару дней, у нас состоялся ещё один разговор, в котором я узнал, что стал единственным наследником всего имущества Иваныча и хозяином внушительного арсенала.

Вот так, за воспоминаниями и не заметил, как собрался. Стою, весь такой в чёрном байкерском костюме, в руке спортивная сумка для трофеев, платок на морде повязан, в стиле а-ля гангстер, на глазах – пластиковые защитные очки, широкие и прозрачные, почти как подводная маска. Мало ли, вдруг кровь заразна, одна капля в рот или на слизистую – и я покойник. Видел я такой момент в фильме «28 дней спустя».

В другой руке ствол с глушителем, на поясе – нож внушительного размера, охотничий.

Глянул в зеркало, висевшее на открытой двери шифоньера:

– Хм, ну, прям, киллер из кино, чтоб его!

Приложился к графину, допив остатки воды, выдохнул.

– Ну, надеюсь, не сожрут мутанты.

Прежде, чем выйти, проверил обстановку с обеих сторон дома.

С наружной – почти ничего не изменилось: недоеденное доели и побрели дальше, по своим зомбячьим делам. Медляков этих шлялось тут штук пять всего. Серьёзных мутантов не видно. А вот во дворе ситуация изменилась и не в лучшую сторону. На первой жертве мутанта кормилось четверо:

дамочка, в цветастом халате и красной тапке, явно где-то по соседству живёт... жила, но я её не узнаю со спины. Пацан с третьего подъезда, кстати, один из тех вечерних певцов с детской площадки. Вот тебе и «вся жизнь впереди». Грустно как-то... и немного обидно.

Этого мужика в синей футболке, с задумчивым видом жующего руку, тоже знаю, не помню, как зовут, но при встрече здоровались. Наши гаражи рядом. Четвёртый тоже спиной ко мне, не пойму кто. Светло-голубая рубашка сильно испачкана кровью, будто его валяли. Может, и валяли, кто знает.

На втором рейдере кормятся двое и орудуют поактивней, нежели та четвёрка. Наверно, уже бегуны, или около того. Как они раздельно устроились, интересно, иерархия? А рожи-то какие! Все в крови по самые уши, как и руки по локти – похоже, кишки тянут из жертв, торопливо запихивая их себе в пасть, чуть ли не головой в утробу заныривают выгрызая там что-то. У одного из них зад голый, штанов нет, значит это джампер, как минимум, но, скорее всего, уже спидер – последняя ступень низшего заражённого перед началом серьёзных мутаций.

Ком подкатил к горлу. Я начал сомневаться в своих силах, всей душой желая остаться в такой безопасной и тихой квартире.

Подорванный мутант остался не востребован – наверное, невкусный.

– Мммда, и мне туда сейчас идти...

Попытался сглотнуть, но во рту всё пересохло. В горле першило, глаза слезились и горели. Нет, отсидеться точно не получится, как бы я ни хотел. Идти надо и чем скорее, тем лучше, пока более серьёзные твари не нагрянули «на огонёк». Первыми надо валить эту парочку, с остальными разберусь по ходу дела.

Всё, пошёл. В дверной глазок таращился пару минут. Никого не увидел: пусто и тихо.

Сердце колотится почему-то в районе кадыка, руки мелко дрожат. Медленно вдохнул-выдохнул, поправил ремень сумки на плече, крепче сжал рукоять пистолета. Страшно, очень страшно. Это не книжки читать под коньячок, жуя что-нибудь попутно.

Аккуратно повернул ключ. Звук оказался оглушительно громким. Показалось, что я известил всех страждущих о “готовности” себя в качестве еды, словно микроволновая печь. Сердце рухнуло куда-то в пятки, отозвавшись эхом в ушах.

Схватился за дверную ручку, притянув на себя в ожидании, что сейчас её потянут обратно с площадки. Припал к глазку: нет, никого не видно.

Вдохнул поглубже пару раз, открыл дверь, вышел на площадку. Глянул вверх, вниз. Пусто, тишина, только птички на улице щебечут. Прикрыл дверь и пошёл вниз, стараясь ступать как можно тише. Остановился на разворотной площадке, заглянул на нижний этаж. Пусто. Двинул дальше. Спустился до первого этажа удачно, никого не встретив.

Стою, гляжу на железную дверь подъезда. Открыть и выйти... выйти в новый мир, столкнуться с ним в реальности... Блажен не ведающий, а я – очень даже знающий, что там не только медленные полутрупы, но и очень шустрые мутанты водятся.

– Так, не дрейфь, ты вооружён и защищён! Решающий шаг, тихонько нажимаем кнопку

– Стоп!

Там же кодовый замок. Защёлкнет, и писец. Оповестит всех о моём появлении – это раз. При возврате в квартиру время займёт – это два. Тыкать неудобно будет – это три. Плюс ко всему, он не всегда с первого раза срабатывает. Заедает, зараза!

Зашарил по полу глазами – надо чем-то подпереть створку.

– О, кирпич!

Не знаю, зачем его тут оставили, но спасибо за это огромное.

Положил его на пол, рядом с дверью. Нажал кнопку, жаль, глазка нет. Приоткрыл щёлку, глянул. Поблизости никого. Открыл дверь уже нормально, тихонько подпихнув кирпичик в проём. Вышел, аккуратно прикрыв её за собой. По бокам – лавочки для сиделок старушек и высокие кустарники какого-то растения.

Меня не видно, но и мне ничего не видно. В поле моего зрения никого нет, весь бомонд собрался левее. Выглянул

из-за стеблей кустарника.

– Ага, вот они, жрут, падлы...

И что мне теперь делать? Эх, хотел же в армию пойти, нет же: «учись сынок, голова светлая», и что я им теперь с этой головой предложить-то могу, трепанацию добровольную? Всё, Витя, не нервничай! Разделить их нужно, разделить. Толпой кинутся – не отстреляюсь. Руки-то дрожат, не успею.

Огляделся по сторонам. Детская площадка. Заборчик высотой по пояс, это хорошо. Турникеты, домики, залезть быстро успею, вдруг чего, да и заборчик придержит немного, даст шанс попасть в цель, надеюсь.

Ещё раз огляделся, скользнул глазами по окнам. Непривычно так, будто вымерли все. Скорее всего, сидят по квартирам зомбанутые, доедают родственников... Как эти-то умудрились выбраться? Видимо, сообразили на остатках разлагающегося мозга. Лишь бы ещё кровожадных умников не нашлось.

Поправил ремень на плече. Не спуская глаз с зомби, пригнувшись, держа пистолет двумя руками, двинул к большому дереву. Тополь, кажется. Добежал, вытянулся по струночке, прижавшись к шершавому стволу.

Джеймс Бонд, блин, недоделанный.

Сердце колотится, будто дыру в груди пробить хочет. Язык прилип к нёбу.

Выглянул: жрут, угу. Урчат старательно...

До заборчика метров пять всего, но до ближайшего домика метров десять, может, чуть больше. Оно и хорошо, он ближе к нужной стороне.

Огляделся: никого. Так, ещё один бросок, и я на месте.

Вжав голову в плечи, согнувшись, двинулся вперёд. Перескочил забор, не так грациозно, как хотелось бы: скорее, перевалился через него. Ещё несколько шагов. Всё, присел. Теперь это мой бастион. Снял сумку с плеча, чтоб не мешала. Ох, что-то совсем взмок в этой амуниции из чёртовой кожи.

Выглянул из-за правого угла. Далековато, и в голову не попаду, если только совсем случайно. Надо их как-то подманить. Огляделся.

– Хм, удачная получилась позиция: выйти чуть вперёд, и эти двое меня видят, а те четверо – нет. Домик на площадке закрывает, хорошо. Надо их внимание привлечь. Как? Камушек!

Зашарил глазами по земле. Камушек, камушек... Ага, вот парочка подходящих.

Примерился, зашвырнул. Недолёт, но зомбак повернулся, причём резко так, всем телом.

– Ой-ё! – Меня, как льдом окатило. Наши взгляды встретились.

Жуткие, белёсые, с маленькими мутными, тёмными зрачками, ничего не выражающие, будто ничего не видящие, но ты спинным мозгом чувствуешь, как они плотоядно буравят тебя. Ледяной спазм сковал лёгкие, мгновенно разлетев-

шлись острыми щупальцами по всему организму, уколов пятки, кончики пальцев на руках и даже кончик носа.

Две секунды – и тварь стартанула, как спринтер, аж с прогребками лап. Второй тоже среагировал, но чуть медленнее.

Вскинул пистолет, держа двумя руками.

С четвёртого выстрела попал в дальнего. Случайно, целил-то в ближнего. Руки ходуном ходят от дрожи, а этот почти добежал. Несётся молча, чуть накренившись вбок и вперёд, но при этом даже не спотыкаясь, шустро перебирая ногами, руки при этом болтаются словно плети.

Выстрел – плечо. Выстрел – грудь. Ещё один выстрел ушёл в никуда. Последний патрон в магазине...

Горло сжал спазм, глаза расширились, не могу прицелиться. Заражённый летит в лоб, даже не притормозил. Забор. Вписался со всего маху и рыбкой спикировал в резиновое покрытие. Раздался характерный противный хруст сломанных позвонков. Передняя часть тела лежала неподвижно, с вывернутой под немыслимым углом головой, задняя же продолжала дрыгаться, как при судорогах.

– Ууффф! – протяжно выдохнул, чувствуя, как по моей спине прокатились ледяные ежи, ноги онемев, подогнулись.

Кажется, я всё это время не дышал. Ох, как меня колотит. Соберись, Витя! Соберись! Выглянул чуть дальше. Гости идут. Сообразили гады, откуда шум.

Сменил магазин. Глубоко вздохнул, прицелился. Спокойно. Первого свалил сразу. Знакомый мужик, имя его я не

помню, свалился, как подкошенный, прямо под ноги пацану, который шёл следом. Мальчишка завалился сверху, барахтаясь в попытке подняться.

Дамочка остановилась на пару секунд, задумалась, видать, потом сменила траекторию и двинула вперёд. Парень в голубой, замурзанной рубашке, оторвался от еды самым последним. Не, его я точно не знаю, залётный, видимо. Шёл, подволакивая левую ногу: штанина вся в крови, огромная дыра зияла на бедре с наружной стороны. Видна кость и оборванные мышцы. Кто-то хорошо им отобедал при жизни.

Дамочка дошла почти до забора. Я выстрелил не спеша, без паники, но промахнулся, попал с третьего раза. Пока с ней разбирался, мальчишка уже поднялся. Перевёл ствол на него.

Сердце сжало тисками, к горлу подкатил комок. Подпустил его поближе, прицелился тщательно, как только мог.

– Прости парень...

Попал сразу; пуля оставила небольшое круглое отверстие в его лбу. Тут же выстрелил в «залётного». Попал в ухо, отстрелив его напрочь. Тот дошёл до забора, упёрся в него.

– Уррр! – потянул окровавленные руки.

– Ух ты! Не брат ли ты желудку моему?!

Выстрелил ему прямо в лоб. Обгрызенный мужик дёрнулся и кулём завалился на сторону площадки, будто его выключили.

Огляделся, никого больше не вижу. Тихо. Прошёлся гла-

зами по окнам.

Кое-где видны люди, припали к окнам, стоят, смотрят на трупы. Нет, скорее всего, это уже не люди. Пригляделся внимательней, вдруг кто выжил? Свежак если – как определить?

Помахал рукой. Больше ничего путного в голову не пришло. Реакции у смотрящих ноль. Всё стоят, так же тупо плятятся через стёкла, царапая их, некоторые оставляли там кровавые разводы.

Хорошо, что окна закрыты, практически у всех кондиционеры, иначе ждал бы меня дождь из зомби.

Подхватил сумку, двинул к несчастным рейдерам.

– Мда, мужики, досталось вам. Вы уж простите, но похоронить не смогу. Надеюсь, не обидитесь.

Вид разодранной плоти абсолютно не пугал. За время практики я много чего насмотрелся, поэтому, не смущаясь, принялся обыскивать останки, попутно вертя головой – вдруг жаждущий заражённый явится на шум.

Собрал всё оружие, нашёл фляги, по две у каждого. Подозрения, гложащие сознание, усилились, и я полез проверять всё, что вспомнил: ладанки или медальоны на шее, воротники, пояса, ботинки, подкладки курток, и не зря ведь. Нашёл тёплые виноградины, хоть и перемазался весь в крови. Сунул всё в карман. Теперь я не сомневался, что на затылке у мутанта обнаружу споровой мешок со спорами или горохом.

Стою с ножом, разглядывая зверушку. Всё выглядит так, как в книге и описывали: на затылке выпуклость, прикрытая

пластиной, похожа на дольки не то чеснока, не то мандарина, только цвета серо-болотного. Шкура громадины грубая, серая, местами зеленоватая, с мелкими трещинками, шершавая. Ороговелые пластины на уязвимых местах, из пяток торчат кости. Кажется, это топтун.

Вскрыл споровой мешок, сунул руку, нащупал что-то, вытянул на свет тёмно-серую массу, похожую на клубок паутины.

– Ладно, потом разберусь.

Сунул в карман. Огляделся.

– Всё, домой! Скорей домой! Там буду переживать, нервничать и разбираться, а тут некогда, опасно.

Подхватил сумку, брякнувшую железом. Выругался сам на себя за неосторожность и двинул к подъезду. До квартиры добрался без приключений, заскочил внутрь, заперся. Опершись спиной о дверь, медленно сполз на пол, уселся, вытянул расслабленно ноги.

Всё, сил нет даже дышать...

В коридоре стоит полумрак. Внутренние ботинки слегка бликуют железными носками. Ноги в пластиковой защите, руки в перчатках с пластиковыми нашлёпками мелко и хаотично подрагивают. В правой пистолет, кажется такой здоровый, из-за глушителя. На локте лежит сползший ремень от сумки, которая покоится тут же, под боком, больно подпирая чем-то в рёбра.

– Вот тебе и веник, вот те и баян... – вспомнилась старая

бабушкина поговорка.

Протяжно вздохнул, поднимаясь на ноги.

– Ну, что, Виктор Анатольевич, пойдём разбирать трофеи.

Сумку в зал затянул чуть ли не волоком, сил не было совершенно. Голова болела ужасно. Пока бегал по улице, внимания не обращал, были другие приоритеты – адреналин помог, теперь же всё вернулось с удвоенной силой.

Первым делом достал трофейные фляги. Открыл первую, понюхал: вода. Вторую нюхнул, и глаза собрались в кучу.

– Ну и запах, кошмар! И это – пить? – при одной только мысли об этом на теле передёрнуло все мышцы.

– Ладно, рискнём. Хуже, надеюсь, не будет. Ну, чудо, свершись! – и приложился к вонючему пойлу, сделав три хороших глотка, как учили в книге. Выдохнул.

– Оойёёё! – заморгал глазами, схватившись за губы.

– Ну и гадость! Точно, на носках настойка. На очень несвежих, недельной давности. Фу!

Откинулся на спинку кресла, расслабился, прислушался к своему состоянию.

Пока без изменений...

Не знаю, сколько так просидел, может две минуты, может пять, или все десять, но головная боль ушла, тошнить перестало, пожар в кишечнике погас, руки дрожат, но совсем не так, как раньше, а лишь слегка.

– Вот тебе и настоечка на носках...

С уважением посмотрел на флягу. Стараясь не нюхать, сделал ещё три глотка, крикнул, занюхал рукавом. Кожаная куртка пахнет намного приятнее. В оставшихся двух флягах также оказались вода и настойка, которая пахла немного легче.

Содержимое карманов вывернул на стол. Шматок грязной паутины, оранжевая коробочка от военной аптечки, серебряный портсигар, чёрный кожаный мешочек на шнурке.

Открыл коробочки. В обеих оказались почти три десятка серо-зелёных фасолин и двенадцать бело-жёлтых горошин, похожих на спрессованный сахар.

Потыкал их, покатал между пальцами, понюхал.

Жёсткие, пахнут кислятиной с примесью непонятно чего. Под вторым слоем ваты – две чёрные, одна розовая жемчужины и две почти одинаковых фотографии девочек, лет двенадцати. Улыбающихся, с огромными, зелёными глазищами, только одна рыженькая, а другая – с волосами цвета шоколада.

– Близняшки?

А почему у разных людей – по фотографии, в раздельности?

Взял фото, перевернул. На обоих было одинаково написано – «Любимому папуле на память». Положил их на стол. Перевёл взгляд на ладанку, протянул руку, пощупал.

Да, что-то там есть, маленькое, твёрдое и круглое. Потянул тесёмки, развязывая мешочек, перевернул, потряхнул над

рукой. На ладонь упала маленькая белая жемчужина.

Шок, растерянность – вот, что я испытал в тот момент.

Встал, подошёл к серванту, заменяющему бар, достал бутылку армянского коньяка, набулькал в стакан, что стоял на столике у графина, залпом опрокинул содержимое в рот.

– Ху!

Набулькал ещё немного, повторил, протяжно выдохнул, посмотрел на россыпь сокровищ этого мира, перевёл взгляд на бутылку.

– Не, хватит!

Сел в кресло. Встал. Обратно сел. Сложил на ладони все четыре жемчужины, покатал их пальцем: тёплые, будто живые. Аккуратно взял белую, сунул её в рот и проглотил.

Чувствую, как она мягко скользит по пищеводу, дошла до желудка, ощущение тепла увеличилось, аж запекло в животе, буквально пара секунд – и всё прошло.

Белая, самая сильная из жемчужин, очень дорогая, практически бесценна, водится в голове у скреббера, которого очень трудно добыть. От неё побочных эффектов, типа мутации, не бывает – она даже начинающего зомби вылечить может, даёт иммунитет и хорошие способности, как в фильме «Люди Икс». Нейтрализует изменения, приобретённые от чёрных и розовых жемчужин. Так, вроде я всё про неё вспомнил, или ещё чего есть? Ладно, потом вспомню. Остались розовая и две чёрных. Чёрные – самые опасные, от них иммунные чаще мутируют, таких людей потом называют кваза-

ми. Они очень сильные, большие, но жутко уродливые, хотя, многие глотают этот жемчуг, не задумываясь. Всё равно, плюсов он даёт больше, чем минусов. Сила и прокачка умений в этом мире очень важны. Лучше быть страшным, но живым, нежели красивым и мёртвым. От розовых мутируют не так часто, к тому же они сильнее чёрных прокачивают дар. Я думаю, что квазы от них тоже крупнее и сильнее, чем от чёрного жемчуга получают. Одна чёрная жемчужина – это целое состояние, на неё можно танк обменять, вроде как. Розовые стоят ещё дороже, а красные – самые дорогие, конечно, не считая белых. От них тоже мутаций не бывает.

Осторожно сложил сокровища в портсигар, на слой ваты, прикрыв другим слоем, сверху уложил спораны и горох, прикрыл фотографиями и плотно закрыл. Вторую коробочку оставил пустой, для хранения лично добытых трофеев.

– Не, мужики, я должен вам, по гроб жизни должен. Вот только, как отплатить?

Сказать, что мне сказочно повезло, это ничего не сказать. Я оказался иммунным, умудрился не быть сожранным в первую встречу с заражёнными, нашёл сокровища, и ко всему в довесок, я – информирован. Не знаю, насколько точно совпадает книжная информация с реальной, но пока расхождений нет. Даже чувствую себя отлично после приёма живчика и жемчужины. Куда делось всё недомогание? Хочется движения, каких-то активных действий и есть. Нет, не есть, а просто ЖРАТЬ!

С этими мыслями я направился на кухню штурмовать холодильник.

Нашёл кусок ветчины, немного сыра, остаток солёных огурцов, масло, хлеб, три яйца, пол пачки сока мультифрукт.

– Не густо.

Яйца выпил сырыми: за походной горелкой надо было лезть в рюкзак, а голод не терпит. Из остального сделал огромный бутерброд. Таким голодным себя ощущал только в студенческие годы.

Пока жевал, запивая соком, обратил внимание на книгу, скромно лежащую на столе у стеночки. Взял, покрутил, ещё раз прочёл фамилию и имя автора.

Псевдоним, скорее всего.

Внимательнее всмотрелся в картинку.

– Кто же ты? Был тут, умудрился вернуться и написал о своих приключениях? Или это я каким-то образом провалился в твою фантазию? А может, я сплю?

Прикусил губу – нет, не сплю, боль чувствую. Присел на стул.

Странно, но я абсолютно спокоен, хотя, по-нормальному, должен был бы, наверное, истерить, проклиная судьбу, биться головой о стену, паниковать.

Нет, о стену не хочу, я как-то даже рад, если честно. Такой простор открывается передо мной, такая широта действий.

Сiju и радуюсь, словно маньяк, неожиданно обретший свободу. Предложи мне сейчас вернуться назад – откажусь,

не задумываясь. Не, это мой мир. Я его ждал два года, особенно в последний, нынешний. Теперь-то у меня уже точно никого не осталось, кроме тараканов в голове, и им сейчас очень комфортно.

Вытер губы и подбородок от возможных крошек.

– А бороду я всё же отпущу. В этом мире...

Найденное имущество разложил на постеленный кусок клеёнки.

Почти всё было перепачкано кровью, не хотелось портить ковёр. Я знаю, что тут жить больше не буду, но всё же.

– Так, и что мы имеем?

А имеем мы три гранаты Ф-1, две РГД-5, одну РГН, четыре светозумовых. Штурмовая винтовка FN SCAR, кажется, но могу ошибаться. С тех пор, как увлёкся темой апокалипсиса, начал изучать виды оружия и их боевую характеристику, но практики почти нет, только теория. Штурмовая винтовка М-4, два пистолета «Магнум», три боевых ножа. Боеприпасов совсем немного... Три бросковых ножа, два томагавка отличного качества. У меня такой уже есть. Купил год назад через Интернет. Ещё три шприца с оранжевой жидкостью.

– Знаю, это – спек, хорошее средство при ранениях. Сильное болеутоляющее, допинг, бывает, используют как наркотик. Делают его из волокон янтаря. Янтарь – это кокон, в котором находятся спораны и жемчуг. Водится он в споровиках у руберов, элитников и скребберов. У последнего назы-

вается лайт-спеком, но различить их на вид я сейчас не сумею. Очень дорогая штука, очень редкая, сильная и полезная.

Перевязочный и зашивочный материал, деревянные колышки, с десяток.

– Мда, упакованы вы, мужики, не бедно, но мало. Машина ваша где-то рядом? Или уехали без вас?

Пока возился с трофеями, несколько раз улавливал звуки стрельбы, проезжающих машин, крики, но к окнам не подходил. Этаж у меня четвёртый, дом обычный. Просто так сюда соваться нет причин. Вот, если меня кто заметит, то тогда другой разговор, жди гостей, как говорится, а я гостей не люблю, особенно, сегодня. Дел много: оружие почистить, оттереть пятна, отмыть себя и все трофеи от крови. Хорошо, водой запасаю.

Глянул на руки. Брови полезли на лоб.

– Я ел такими руками?! Мда, видимо, всё же шок мне не чужд.

По квартире старался передвигаться, как можно тише, в окна всё же посмотрел пару раз, но очень осторожно.

Движения были с обеих сторон дома. Видел матёрого мутанта, но точно обозвать его ещё затрудняюсь. Чуть крупнее того, который на рейдеров напал из окна. Кусач, топтун, рубер? Наверно, всё же рубер. Шпор, как у топтуна нет, и он крупнее. Точно, рубер, молодой только. Медляков достаточно мало. Оно и понятно, грузанулись-то горожане с городом

в Улей ночью.

– Интересно, через какой промежуток времени этот кластер обновляется? Я и в следующем обновлении тут буду? Скорее всего, да, но, навряд ли, иммунным окажусь. Ладно, потом разберёмся.

* * *

То, что это быстрый кластер, понятно. В половине двенадцатого я сел читать, уснул. Проснулся в четыре утра уже с головной болью. Дальше самочувствие ещё больше ухудшилось. Значит, перезагрузка случилась с часу до трёх ночи. В обед собака лаяла на зомбанувшихся хозяев, которые её благополучно сожрали. Приятного им аппетита. Получается, с трёх ночи до обеда обращение пошло полным ходом, а я чуть не сдох от спорового голодания. Сколько же у меня времени осталось: день, два, неделя? Неделя мне не нужна, а вот пара дней не помешают. Сегодня точно никуда не пойду. Дело к вечеру. Собраться надо, вещей много, на двоих, как минимум. Один всё не утащу, бросить жалко, все вещи нужные. Даже, если только оружие взять, буду как мул. Надо подумать.

Сел в кресло, взял флягу, поболтал. Ещё немного осталось, приложился уже, как заправский рейдер, даже не поморщился.

Пока с вещами разбирался, почти всю флягу приговорил.

Наверно, это из-за белой жемчужины такая большая потребность, или потому, что я свежак, не знаю. Передозировка мне, вроде, не грозит, так что не страшно. Зато не курил весь день. Никотин теперь убивает в буквальном смысле: учуют запах твари и выстроятся в очередь на обед.

Разогрел тушёнку на горелке. Пошли в ход мои запасы из рюкзака. Пока ел, кашу с мясом поставил греться, аппетит зверский, три-четыре банки точно съем. В животе урчит постоянно, да так громко, не дай Бог, кто услышит.

Усмехнулся: мертвяки за своего примут, а рейдеры пристрелят с испугу. У меня этот феномен с детства, часто попадал в неловкие ситуации.

Огляделся с тоской. Скоро придётся проститься с родным домом. Сколько же тут воспоминаний? Фотоальбом забрал весь, не смог расстаться ни с одной фотографией, лучше что-то из вещей не возьму, их потом добыть можно.

К вечеру перечистил всё оружие, перебрал и упаковал все вещи: и свои, и приобретённые. Получилось рюкзак и спортивная сумка. Надел рюкзак на плечи, взял сумку, постоял, покрутился, прошёл по комнате. Звяканья металла нет.

– Ну, вполне терпимо, нести можно, но опасно.

Тихонько подошёл к дверям, заглянул в глазок. Никого не видно, это хорошо, пусть так и будет. Дверь моя крепкая, металлическая, из цельного стального листа с двух сторон, а между ними шумоизоляция. Отец сам делал. Открывается наружу, так что долби хоть задолбись, скорее стены слома-

ются, чем эта самоделка.

Сходил, умылся. Лёг на кровать, не раздеваясь. Закрыл глаза, расслабился. Мысли роятся, прыгают с одной на другую, выуживая из памяти прочитанную информацию о Стиксе. Сон не идёт ни в какую. Встал, пошёл, взял недопитый коньяк, налил пол стакана, выпил и лёг обратно. Как уснул – сам не заметил.

Глава 3

Стою в поле. Ромашки по пояс, огромные такие ромашки, белые. Лёгкие волны по полю пробегают, замирая вдали. Чувствую – босой стою. Переступил с ноги на ногу. Земля мягкая, словно вата, в пространстве под лазурными небесами слышится музыка, странная такая, но лёгкая, тёплая. Странно, почему музыка тёплая? Приятные, бархатные ощущения разливаются по всему телу, лаская его как снаружи, так и изнутри, а впереди свет переливается, необычный...

– Красиво?

Я дёрнулся от неожиданности и посмотрел на источник голоса.

Рядом со мной стоял рыжий стрелок.

Он стоял рядом и смотрел на свет, спокойно так смотрел.

– Красиво, говорю!

– Очень, – прозвучало у меня за спиной.

Я резко обернулся. Стоит такой же стрелок. Славянское лицо, невысокий, коренастый, лет тридцать с хвостом. Заросший щетиной, глаза карие, грустные, только волосы не рыжие, а тёмно-каштановые, но такие же волнистые и торчат в разные стороны.

Шатен стоит, смотрит на свет с тоской и с такой печалью, меня аж пробрало.

Повернулся к рыжему – стоит. Отошёл чуть. Так, чтобы

мне видеть их обоих.

Братья? Близнецы? Как похожи, только волосы разные. Прямо, как те девочки, на фото...

– Здорово, мужики.

– Здорово.

– Привет. Нравится? – рыжий кивнул в сторону загораживающего свечения.

– Да. Тянет туда, – ответил я, чувствуя, как хочется сделать шаг вперёд, навстречу свету.

Шатен провёл рукой по ромашкам.

– Как ты думаешь, что нас там ждёт?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, каждого – своё. Ведь, мы о чём-то мечтаем... или боимся чего-то, своего...

– А мне кажется – там пустота, – сказал рыжий: – Белая, всепоглощающая пустота. Очищение души, перерождение в новое тело.

– Да не! – возмутился шатен. – Не думаю, что так. Мне кажется, там хорошо будет, уютно.

– В утробе мамки тебе тоже уютно было! – хохотнул рыжий.

– Да, будто ты помнишь... – Вздохнул шатен.

Я переводил взгляд с одного на другого, поворачивая голову.

– Чего гадать, пойдём глянем, чего там, да как. – Кивнул я в сторону света, который так и манил своей нежной, лас-

ковой теплотой, обещая обернуть коконом надежды.

– Хм. Шустрый какой. – Улыбнулся шатен. – Оттуда возврата нет, а у нас парочка дел незавершённых осталась. По эту сторону...

– Да, рано нам пока туда. – Поддержал брата рыжий. – А тебя и вовсе не пустят.

– Васятку спасти надо было, а теперь и не знаем, как быть даже, – буркнул шатен.

Рыжий посмотрел мне прямо в глаза. Не знаю, что он видел в моих, а в его я увидел тоску, печаль и надежду.

– Спаси её... – Рыжий опустил голову, уткнувшись взглядом в ромашки.

При этих словах шатен вздохнул, судорожно как-то, прерывисто.

– И что ей делать тут, без нас?! Кому она нужна в этом аду?! Ты не понимаешь?! В этой затее больше нет смысла!

– Каштан!

– Что Каштан?! Включи мозг! – Шатен постучал костяшками пальцев по своей голове. – Болт, сцука жадная! Жаль, кусач его сожрал. Я бы его, паскуду, голыми руками рвал! По куску! Падлу!

Я смотрел то на одного брата, то на другого, ничего не понимая:

– Вас же мутант убил! Я своими глазами всё видел.

– Аай-ну! – Рыжий в сердцах махнул рукой. – Долгая история.

Чиркнула зажигалка, я поглядел в сторону звука. Шатен прикуривал сигарету.

– Ничего не долгая, – буркнул он сквозь зубы, сжимая фильтр. – Будешь? – Протянул мне пачку, усаживаясь на кусок бетонной плиты.

Я только сейчас обратил внимание, что мы больше не в поле и вокруг не ромашки, а горы разбитых плит, кирпичей, части домов, угол стены с уцелевшим окном. На ветру колыхается оборванная занавеска. Всё какое-то серое, пыльное. Даже небо. Мёртвые деревья раскинули корявые голые ветви. Глянул на свои ноги: обут.

Я взял сигарету, прикурил.

– И мне дай, – сказал Рыжий, уже вытягивая из пачки.

Я протянул ему зажигалку.

– Где это мы?

Рыжий обвёл пейзаж глазами:

– Понятия не имею. А разве важно?

Я пожал плечами со словами:

– Не знаю. Нет, наверное. – Посмотрел на шатена. – Так что там у вас за история?

– Да херовая история, – шатен сплюнул сквозь зубы в бетонные осколки. – Нас было пять человек, точнее, три кваза и мы с Рыжим. Кстати, меня Каштаном зовут. – И протянул мне руку.

Я ответил пожатием.

– А это – Рыжий.

Я протянул руку Рыжему, кивнув при этом головой:
– Виктор.

Каштан хмыкнул.

– Не, дружище ты теперь не Виктор, ты... – Каштан задумался, изучая меня оценивающим взглядом.

Сообразив, что сейчас меня окрестят, я испугался какого-нибудь нелепого прозвища и, дабы предупредить эту ситуацию, сказал:

– Доктором я работал.

Хотел добавить, хирургом, но быстро передумал, опасаясь сокращённого и слегка изменённого варианта. Мало ли какое у них чувство юмора.

– Ну, раз так, то отныне быть тебе рейдером по имени Док! – Пафосно произнёс Каштан. – А мы – твои крёстные! – и, хмыкнув, добавил: – Покойники!

Рыжий усмехнулся:

– Во, дурилка картонная... – помолчав немного, продолжил: – И мы не братья.

Мои брови от недоумения полезли наверх.

– Двойники мы. – Рыжий сплюнул сквозь зубы так же, как Каштан. – Потом расскажу.

Но до меня и так стало доходить. Они – это один и тот же человек из разных параллелей, из разных миров. Двойники, клоны. Это, как мой дом перезагрузится вдруг сейчас, и я там самого себя встречу, но не факт, что второй я тоже иммунным окажется, а этим повезло.

– Ну, в общем, – продолжил свой рассказ Каштан: – Пошли мы на скреббера впятером, три кваза и мы с Рыжим, как один. Жемчужин там в башке, в потрохах бывает четыре-пять, редко когда шесть. Поэтому группы на скребберов, если жемчуг для себя добыть хотят, больше четырёх, редко – пяти, человек обычно не собираются. Это, когда на заказ работают, тогда да, целой ротой ходить могут, а так – нет.

– Почему вы вдвоём, как один пошли? – Перебил я его.

– А, потому, что они – ква-а-азы! – руками изображая шкаф, усмехнулся Каштан. – Большие и выносливые, а мы – слабые человечки, – изобразил пальцами что-то вроде дюйма. – Вот и вышло по справедливости: три к одному. Четверик!

– Скреббера мы завалили, жемчуг добыли, потеряв при этом одного из нас. Жемчужин оказалось пять, поэтому пятую продали и разделили на четверых. Наши все знали, что жемчужина нам для Васятки нужна. Это дочь наша. Когда мы собрались выдвигаться к нужному кластеру за ней, Болт, сцука, – Каштан презрительно плюнул, – предложил помочь. Не за просто так, конечно, но и много не запросил. Водитель он от Бога, как говорят, не раз наши задницы вытаскивал, крутя баранку. Вот мы и прикинули, что с ним быстрее будет, да безопаснее.

Тут Рыжий не выдержал:

– Да жаба его задавила, падлу! Всё же разбежались кто куда на задания, но к сроку не вернулись. А этот, падла, немощ-

ным прикинулся. Ранение, мол, сильное. В рейд не пошёл, всё около нас отирался. Вроде как, по дружбе, а сам всё выжидал, сука, когда мы за малой двинем.

– Так это он тебя подстрелил, получается? – Я указал на его зажившую ногу.

– Ну, да. Мы, похоже, в засаду попали. – Продолжил Рыжий. – Умные твари оказались, дорогу перегородили мусором. Вроде и не серьёзный хлам, но и не проехать. Вышли расчистить. Болта на прикрытии оставили. Тут кусач выскочил. Каштан огонь открыл, а этот паскуда в меня стрельнул. Я ответить успел, но промахнулся. Только увидел, как с крыши рядом стоящего магазина второй кусач сиганул прямо на голову этому гондону. Каштан первого подстрелил, но не насмерть, подранил только хорошо. Тот смылся. Вот мы и рванули во дворы, надеясь укрыться на время и раны зализать. Уже почти до открытого подъезда добежали, как подранок вернулся. Каштан по нему пальнул, меня прикрывая. Удачно попал, завалил почти сразу. Только было обрадовался, крикнул мне: «Сделал гада! Шевели поршнями!», как в этот момент из окна второй заражённый сиганул, который потом Болта и схарчил. Прямо на голову ему, прикинь! – Кивнул подбородком в сторону Каштана.

– Ну, а дальше ты сам всё видел. Я только и успел, что три чеки выдрать. Всё, конец фильма!

– Как он в квартиру проскочил шустро и, главное, в нужную? Похоже, у них отработанная программа была, – про-

должил Каштан: – Один отвлекает и загоняет до нужного места, другой – сверху прыгает на жертву. Наверно, не первую перезагрузку так делают.

– Если бы я белую жемчужину не съел, то продолжил бы ваш путь. – Я задумчиво потёр подбородок. – И что мне теперь делать? – Глянул на мужиков.

Те переглянулись меж собой.

– Если бы ты её не съел, мы б сейчас тут с тобой не разговаривали. Это – дар Улья такой, но об этом позже расскажу, во всей красе, как говорится, – сказал Рыжий, разъезжаясь в улыбке.

– Угу. – Я кивнул в знак согласия.

– Так ты что, хочешь забрать нашу дочь? И зачем оно тебе надо? Куда ты её потом, в приют сдашь? Каштан прав, нет больше смысла в этой затее. И вообще, там... – Рыжий замолк, не договорив. Погрустнел. – Она нам была нужна. И без разницы, что это клон, двойник... А тебе зачем весь этот гемор?! Живи спокойно, наслаждайся жизнью. Ну, на хрена тебе чужие дети, Док?! Фигня всё это. Брось!

Я опустил голову, помолчал немного, вздохнул, выкладывая:

– Я понял, что такое боль,
Любовь и боль – одно и то же.
А счастье тоже, что любовь,
Но... боль, на счастье не похожа.
И жизнь, я понял, что такое.

Жизнь – просто подготовка к смерти.
Но... после смерти можно жить в покое,
Жить дальше после смерти, в своих детях.
Но не могу понять, что значит взгляд,
В котором есть любовь и смерть.
И этому признаться очень рад,
По-разному на всё смотреть...

Какое-то время стояла тишина. Я продолжил:

– Никуда её не сдам. Дочкой мне будет. Устал я один
быть...

Ребята вновь переглянулись.

– Тут, понимаете ли, – я потёр в задумчивости подбородок, – сразу два зайца. Навряд ли я здесь женюсь, и ещё меньше вероятность того, что кто-то согласится родить мне ребёнка. Даже, если это чудо и свершится, то я буду очень рад стать отцом двоих детей. Это – первый заяц. Ну, а второй... всё же я считаю, что я вам должен по гроб самый, и думаю, что так, хоть немного, верну свой долг.

– Нууу, э-э-э... – Рыжий полез пятернёй чесать затылок с крайним недоумением на лице. – Ладно... раз так.

– Не, по гроб не надо! – хохотнул Каштан. – В любом случае ты нам ещё живым нужен. Без тебя покойников хватает.

– Кстати, насчёт покойников. Похоронить бы надо ваши останки.

– Пустое, – веско сказал Рыжий.

– Не парься, – поддержал его Каштан. – Это уже неважно.

Важно то, что у нас теперь появился ещё один шанс. Как ты там говорил? «Но после смерти можно жить в покое, жить дальше после смерти, в своих детях»? А тела, да чёрт с ними. – Махнул он рукой.

– Да, хорошие слова, точно. Глянь: сожрали их уже давно. Зачем суету наводить. – Тут же оживился Рыжий.

– Тебе сейчас не об этом думать надо, а о том, как до Светлого добраться. Это стаб такой. Ну, стаб – это от слова стабильность...

– Знаю. Не объясняй. – Прервал я его: – Стабильный кластер – это там небольшие, а иногда и достаточно большие поселения выживших иммунных.

Рыжий усмехнулся

– Ох, какой грамотный попался, ты глянь! И где же ты узнать-то об этом успел? – И ткнул Каштана кулаком в плечо. – Гля на него, а. – Улыбнулся, кивнув в мою сторону косматой головой. – Ты – точно свежак? Уверен? – Продолжал он улыбаться.

Я кивнул:

– В книге прочёл. Потом расскажу.

– Интересно, что это за книга такая? Ладно. Так о чём это я? Вот до Светлого доберёшься, дом наш найдёшь. Он теперь твой, между прочим. Ключи под синим камнем в палисаднике возьмишь. Ментату расскажешь всё, как есть, и про этот наш разговор тоже Расскажи. Ментат – это...

Я обратно кивнул:

– Знаю, дальше давай.

Рыжий поднял одну бровь, поглядел на меня изучающим взглядом.

– Книга?

Я кивнул.

– Ага... Он, значит, все дела с переводом дома и нашего счета в банке урегулирует. Карту твою личную оформит. Это вроде паспорта тут, только круче. Номер ячейки потом скажу, когда до места доберёшься. Ментата, кстати, Седой зовут. Говорят, он в Стикс попал глубоким стариком. Как только выжить умудрился, не понимаю.

– Только не вздумай копыта откинуть. И вообще, сколько спать можно, – улыбнулся Каштан. – Вставай давай, дел впереди много.

* * *

Проснулся я очень рано, только-только начинало светать. Встал, подошёл к окну, выглянул на улицу. Тел ребят там действительно уже не было, растащили останки. Только огромные пятна на асфальте напоминали о трагедии. А мутант так и остался валяться, никому не нужный.

Выпил живчика пару глотков. Вскипятил воду, заварил кофе, поставил консервную банку на подставку греться. Позавтракать нужно обязательно. Неизвестно, когда ещё время на это будет. Курить охота. Взял кружку, сел в кресло.

Значит, получается: у меня дар открылся... Быстро, однако. И что, я теперь могу со всеми покойниками беседы вести, или только с этими? Только в состоянии сна, или наяву тоже получится? Это что же, я некромант какой-то получил-ся? Ах, ну да, как же я забыл: от белой жемчужины обычно проявляется дар, который вам нужен в данный момент больше всего. Я переживал о своём долге, вот и получил возможность его отдать. Угу... молодец. Надеюсь, раздача призов на этом даре не ограничится. Мне бы ещё какую-нить боевую способность, а лучше – сенсора или хотя бы знахаря, на худой конец. И про раствор гороха я совсем забыл. Его обязательно надо пить для развития дара. Или после белой не надо? Или надо? Открылся-то один дар, а их, вроде как, несколько должно быть... Пить!

Так, ну, вроде, ничего сложного. В полторашку полстакана уксуса, туда же горошину, теперь ждём. Интересно, как она отслаивается: слой за слоем, маленькими хлопьями расползаясь по дну. Минут десять ждём, от горошины остался только желтоватый осадок. Теперь ложку соды спустим, поболтаем...

– Ох! Чуть не вылилось! Хорошо, что в полторашке делал. Точно всё на полу было бы.

Так, теперь процедить и добавить сок. Готово!

Поболтал бутылку, посмотрел на свет сквозь мутную жидкость, скрутил пробку, набулькал в стакан, понюхал.

– Ы-ы-ы! Дрянь укусная!

Выпил залпом, покривился и принялся за поглощение еды.

* * *

– Так, «маска аквалангиста» мне теперь точно не нужна. От брызг крови заразу не поймаю. Я теперь вообще никакую заразу не поймаю, кроме диареи. Можно мокнуть под дождичком, не боясь простуды, пить прозрачную без меры, не опасаясь за печень, курить. Не, курить лучше не надо. Даже блудить без резины – ничего не поймаешь, ни гриппер, ни триппер. Нет тут больше никаких вирусов, кроме расстройства кишечника. Даже органы и конечности отрастить заново можно, словно ящерица какая. Старые молодеют, смертельно больные вылечиваются. Бессмертие здесь гарантировано. Главное, постараться быть не пойманным, не сожранным, не застреленным и не разобранным на органы, или принесённым в жертву тотему сектантов. Не жизнь, а малина.

Улыбнулся таким перспективам. Мне нравится, а главное – есть цель в жизни, это хорошо.

Бандану сложил треугольником и повязал на шею, на манер ковбойских вестернов.

Трупный запах сейчас по всему городу благоухает. Где – не очень сильно, а где – нестерпимо, прям, фонит так, что импровизированная маска, думаю, пригодится.

Прицепил флягу с живчиком к поясу. Аптечку, два сдво-

енных магазина к винтовке, две запасные обоймы к своему пистолету и гранату распихал по карманам куртки и штанов. Без разгрузки, чёрт, неудобно. Надо будет раздобыть обязательно. Балбес я, надо было, хоть, простую рыбацкую купить. Надел перчатки, накинул винтовку на плечо.

– Вроде всё.

Огляделся: не забыл ли чего?

Кажется, нет. Для короткой разведки даже перестраховался. Мне-то надо всего лишь машину ребят найти, да во двор перегнать. Потом поднимусь в квартиру, заберу сумки и – в путь. Но, это я предполагаю, а как будет – кто его знает...

Поглядел в глазок. Интересно, все мои соседи озомбились, или кто-то помирает сейчас от спорового голодания? Проверить? Нет, не справлюсь пока, слишком я ещё зелёный. Эх, совесть моя, совесть, заткнись, пожалуйста! Без тебя паскудно.

Спустился, вышел на улицу. Тишь да благодать, ни одного заражённого. Спят что ли? Направился к выходу со двора. Где-то там должна валяться ещё одна тушка мутанта. Нечего деньгами раскидываться. Нашёл его за машиной, почти у входа под арку. Осмотрел. Почти такой же, как и первый, только крупнее и шпор уже не было. Кусач. Понятно.

Растянулся как-то нелепо: голова набок, лапы звёздочкой, жопа кверху, и смердит гад ужасно. Я скривился, натянул на лицо свой «намордник» и полез вырезать спораны. Содержимое мешка на загривке сунул в карман, вытер нож об траву.

Дошёл до угла, выглянул. Улица пустая, ни-ко-го. Только целлофановый пакет летит, подхваченный порывом ветра, кувыряясь в воздухе.

А вон и завал из хлама виднеется. Засады, значит, устраиваем? Угу, запомним, твари.

Под стеночкой, почти бегом добрался до этого скопища столов, стульев, мусорного бака, увенчанного нагромождением продуктовых тележек. И вправду, не серьёзное сооружение, но сработало же. Машина стояла метрах в десяти. Хорошо. Если честно, я боялся, что её уведут. Повезло, что улица не ходовая, тупиковая. Тут только свои жильцы ездят, да продуктовые машины, обслуживающие наш супермаркет и аптеку.

– Хм, а какого хрена тогда ребятам тут понадобилось?

Огляделся. Кроме аптеки и минимаркета ничего больше нет, странно.

Дошёл до угла дома, где проходит проезжая трасса. Проверил на наличие возможной опасности. Вернулся, обошёл машину. Аж присвистнул, нецензурно ругнувшись.

Передо мной стоял самый настоящий, пятиместный «Комбат-Т-98»! Да-а-а. Дополнительно модернизирован под местные реалии. Три двери были приоткрыты, заглянул в водительскую. Ключей нет, только кнопка. Понятно, машина-то военная, да и на обычной я бы тоже ключи убрал и ещё звук бы ей приглушил: чем тише работает, тем больше шансов быть не замеченным и не сожранным.

Оглядел фронт работы. Не тяжело, но шумно и муторно. Как же быть?

Хлопнул ладонью себя по лбу:

– Вот идиот! У тебя же машина в гараже!

Вернулся домой за ключами. Прошёл по всей квартире, прощаясь, втягивая носом родной запах, запах детства. Приложил руку к дверному косяку, постоял так пару минут, вздохнул и вышел, прихватив сумку. Двери запирать не стал, смысла нет. Сумку пристроил рядом с рюкзаком, уже спущенным и приваленным к стенке дома. Быстрым шагом направился к гаражам, благо, они располагались тут же, во дворе, дополняя четвёртую стену нашего «колодца».

Дверь соседнего гаража была открыта. Меня это напрягло. Крепче сжал пистолет, приготовившись тут же стрелять, если оттуда кто-то появится. Подкрался к ней сбоку, тихонечко прикрыл и накинул висевший замок на дверные петли. Теперь порядок.

Выдохнул свободно. Открыл свои ворота, огляделся.

Из подъезда соседнего дома вывалился мертвяк. Я сходу рванул к машине, как ошпаренный. Надо спешить. Некогда мне тут воевать.

Машина буквально выпрыгнула из гаража, промчалась мимо мёртвого соседа, резко припустившего следом. Затормозив у своего подъезда, чуть спустил стекло, так, чтобы только дуло глушителя пролезло в щёлку.

Долго ждать не пришлось. У твари руки, лицо, грудь – всё

перепачкано свежей кровью. Нос, приплюснутый стеклом, вывернулся вбок: он припал всей мордой, возюкая и царапая руками, оставляя бурые разводы. Скалясь, урча и клая грязными зубами с застрявшими между ними кусочками мяса и синей ткани, надеясь достать до такой близкой, вожделенной еды, буравил меня жуткими глазами. Я сидел и тарасился на него, как на гада в террариуме. Любопытство взяло верх, я не спешил стрелять. Но время поджимало, и, налюбовавшись страшным фейсом, я, всё же, спустил курок.

В маленьком закрытом пространстве даже с глушителем стрелять не советую... Будто ладонями по ушам хлопнули. Очень неприятно. Бр-р-р! Быстро покидал из подъезда сумки в багажник, уселся и рванул к «Комбату». Перегрузился просто молниеносно. Заскочив за руль броневика, моментально закрыл дверь, тут же заблокировав, и протяжно выдохнул.

Я не трус. Я просто осознаю всю опасность ситуации.

Дверь в моей машине нараспашку, ключи остались в замке зажигания. Аппарат хороший – УАЗ «Патриот». Заправлен бак на половину, возможно, кому-то она поможет. Вот только завал разгрести придётся перед выездом со двора.

Сдал задним ходом, вырулив на трассу, и остановился в нерешительности.

– Чёрт, куда ехать-то?

В какой стороне стаб Светлый я не знал, и сколько до него ехать – тоже.

– Идиот – это надолго! Вот, что мне мешало спросить дорогу... Ладно, хотя бы из города надо выбраться, пока на элиту не наварлся.

Выкрутил руль вправо, в сторону выезда на дачные посёлки.

Надо проверить, насколько этот кластер велик. Может, он и дачи прихватил? Тогда хорошо, оружие из арсенала там лишним не будет.

Утро только начиналось. Моё второе утро в новом мире, в мире, полном смерти боли и опасности, где совершенно другие ценности и правила жизни. В мире, который я ждал.

Обычно в это время в городе начинались пробки на дорогах, люди спешили по своим делам, но не сегодня. Несмотря на солнечную погоду и щебет птиц, в городе пахло смертью. Ощущалось опустошение и опасность, аж волосы на руках стояли дыбом, будто наэлектризованные. Страх медленно булькал на уровне подсознания. Брошенных машин на дороге мало. Все спали, и только запоздавшие гуляки оставались вне дома. Плюс небольшой процент утренних недозомби, вышедших из дома на остатках тлеющего сознания. Кто-то вывалился в окно, вон ползёт один на руках, с повреждённым позвоночником. Явно летун. Ещё один день, и они начнут жрать друг друга, а, может, уже начали. Крупных мутантов почему-то не видно вообще. Может, прошли волной, поели всех, кто ещё не обратился, и свалили? Наверное, где-то поблизости ещё один кластер перезагружается примерно в

это же время, с небольшим интервалом. Вот весь «бомонд», видимо, там и тусуется.

Доехав до вершины холма, у подножья которого располагалась часть ещё недавно населённого пункта, остановился. Почему-то захотелось посмотреть, на что – сам не знаю.

Вышел из машины, обернулся к городу. Сколько же сейчас там смертей...

Вдруг мир посерел, дома стали подрагивать как от марева, и я увидел их! Души погибших людей в панике метались по улицам, пролетая сквозь дома. Серые, белые, чёрные, синие, жёлтые, розовые... Их было великое множество, словно рой пчёл над ульем. Оторвать взгляд невозможно было. Зрелище завораживало!

– Ну, как тебе? Узнал, сколько их там?

Я подпрыгнул на месте, как тот кот, неожиданно напуганный очень громким звуком, аж зубами лязгнул!

– Да чтоб тебя! Убью гада! – Заорал я во всю глотку, поднимая небольшой камень и швыряя его в Каштана.

Каштан расхохотался от всей души, сгибаясь и держась за живот. Камень, естественно, пролетел сквозь него.

– Ты видел, видел его рожу?! – Хохотал он, тыча в меня пальцем.

– Ну, ты урод, Каштан! У меня чуть сердце не остановилось!

– У тебя штаны-то запасные есть? – Сквозь смех и слёзы выдавил из себя Рыжий.

– Да, ну вас! – Я в сердцах махнул рукой и полез за баранку. Захлопнул дверь.

– Торчите теперь на улице, шутнички. – Буркнул я сквозь зубы. Злость буквально паром выходила из ушей.

– Чего ты там бормочешь? – Раздалось за моей спиной.

И я подпрыгнул во второй раз, а эти два клоуна залились в новом приступе смеха.

– Да ладно, не дуйся ты. Мы же пошутили просто. – Мирительно промурлыкал Рыжий

– Видел бы ты свою рожу, – не унимался всё Каштан, давась смехом и корча пародии на мои испуганные гримасы.

– Чего припёрлись-то, шутнички? – Я немного стал отходить от стресса, ну и от обиды за свой страх. Самому стыдно стало.

– Да ты же сам нас видеть захотел, вот и припёрлись.

– Я о вас и не думал даже. – Руки на руле мелко подрагивали, всё-таки струхнул я сильно.

– А, кто тогда, по-твоему, захотел увидеть ВСЕХ покойников этого города? Папа Римский?

Я уставился на Рыжего, как баран на сайдинговые ворота:

– Как это?

– Да вот так. Ты же захотел от всей души увидеть, вот и увидел, а мы где кони двинули? Пра-а-а-вильно, в твоём городе. – Рыжий объяснял мне, как маленькому, чуть ли не на пальцах.

– А вот если бы я только вас захотел увидеть, или ещё

кого-то конкретно, то что, пришли бы?

– Ну-у-у, не совсем. Только, если ещё не перешли грань. Оттуда возврата нет. Мы сейчас болтаемся в пространстве, и они пока тоже. Некоторые уйдут в свет, но не все. Многие души годами скитаются в пространстве параллелей, не упокоенные.

– А почему они разноцветные были, а вы нет?

– Ну, люди-то разные, вот и ауры разные. У детей чаще цветные, у взрослых больше серые. – Продолжил «урок» Каштан. – Их ты обобщаешь, поэтому и видишь только ауры, а выдерни кого конкретного – и увидишь так же, как нас, габаритным.

– А я-то думал, только во сне с вами общаться могу.

– Не-а, – довольный Каштан поудобней умастился на переднем сидении.

– А куда мы едем? Светлый не там, а в-о-о-н там. – Тыкнул большим пальцем себе за спину, в сторону покинутого города.

– На дачу. Шашлыки есть будем.

Каштан уставился на меня с недоумением на всю небритую физиономию.

– Док, ты ничего не путаешь?

– Не-а! Кстати, а вы случайно не в курсе: дачный посёлок переносится вместе с городом или нет?

– Какой дачный посёлок? – Недоумение усилилось, хотя я думал, что уже некуда.

– Камышинск.

– Нет, нету там никакого Камышинска. Смотри, сейчас граница будет. – Рыжий указал вперёд на дорогу через моё плечо.

Я уставился вперёд и через пару минут увидел хорошую такую трещину на асфальте. Остановился.

– Жаль... Ну, что, тогда назад поехали. Где там ваш Светлый?

– Что, Док, облом с шашлыками? – улыбнулся Каштан.

– Да, хороший такой облом, размером с сумку с оружием и боезапасом в полмешка.

Оба аж присвистнули, причём одновременно.

– Жаль, хорошие были шашлычки. – С грустью сказал Рыжий.

– Где ты такое богатство на гражданке раздобыл?

– А ты точно доктор? – усмехнулся Каштан, заглядывая мне в глаза.

– Доктор, доктор. Друг один подарил. Хороший. – Чуть задумавшись, продолжил: – Может мне не в Стаб, а за малой поехать? Это же где-то недалеко? Вдруг она иммунной в этой загрузке окажется?

– Не-е, Док, не получится. – Вздохнул Каштан. – Она сегодня в обед будет, а тебе ехать, если без остановок, то до ночи. Не успеешь. Там быстрый кластер. Вечером самый ад начнётся. Зря погибнешь только.

– Через три месяца, – добавил Каштан. – Ты и опыта за-

одно наберёшься, так что давай, поворачивай к стабу. А нам пора, мы долго тут находиться пока не можем, душу давит. Со временем проще будет, адаптируемся. – Каштан поморщился и повёл плечом.

– Город проедешь, выедешь через мост, там тоже граница. Потом по трассе прямо, на развилке влево бери. Там съезд будет к ясеню, по прямой потом... – пару минут объяснял, по каким ориентирам добраться. – На ночёвку туда сворачивай. Кластер небольшой, но стабильный. Деревня с названием Тихая. Пятый дом от въезда, по правой стороне. Доску на второй ступеньке сдвинь – ключи найдёшь. Все! Двигай давай. Удачи. – сказал Рыжий после инструктажа.

– Заправься, там полбака. И город по краю объезжай, через строительный район, – это уже комментировал Каштан. Исчезли синхронно.

Как-то пусто стало, неуютно в машине. Я окинул взглядом салон и заметил сумки, коробки, три рюкзака, оружие.

– Ого, а наследство-то у меня не маленькое, хотя, одна машина чего стоит. Сейф на колёсах, а не транспорт.

Надо бы поглядеть, что там имеется для моего «хомяка». Разум боролся с любопытством, в итоге они вышли на встречный компромисс.

Я полез в салон через сидения, быстро оглядел имущество, запомнив, где какое оружие и боеприпасы. Остальное – потом, в более безопасном месте посмотрю.

На этой стороне выезда заправок не было, в городе заправ-

латься не хотелось совершенно. Уверен: они там точно были, а вот за городом неизвестно. Кластер-то уже другой, абсолютно мне незнакомый.

Через центр ехать и самому не хотелось. Я прекрасно понимал, что была большая вероятность наткнуться там на рейдеров или на толпу муров.

Если с первыми можно было разойтись миром и даже хорошими знакомствами обзавестись, хотя это далеко не факт, то со вторыми – неприятности гарантированы стопроцентно. Самый низкий беспринципный слой общества, полные отморозки и наркоманы, голимые отбросы человечества – это и есть муровы. Они не только творят кромешный беспредел, но и, зачастую, работают на внешников, продавая им органы иммунных, или их же живьём, если смогут таковых отловить. Я неплохо осведомлён благодаря прочитанным книгам, которые, кстати, не забыл прихватить с собой. Поэтому отдаю себе полный отчёт в том, что я – зелень неразумная, дохлая и хилая. И столкнись с подобной мерзостью, не факт, что смогу уйти даже в броневику. Опыта у них больше, как ни крути. Так что, решил объехать по окраине, как и советовал Каштан. Там строительство нового района шло полным ходом. Ничего ценного нет и никого там быть не должно. Хоть и крюк, зато мне спокойней.

Глава 4

От созерцания окрестностей новостроя меня отвлёк солнечный зайчик. Кто-то пускал его мне прямо в глаза. Я проехал чуть дальше, остановился.

Всё же любопытство победило здравый смысл.

Огляделся сквозь окна, не выходя из машины.

Даже если начнут стрелять, я просто уеду. Эту машину только из гранатомёта пробьёшь, и то нет гарантии, что возмёт влёт. Но не будем пессимистами, может, это чудом выживший иммунный сигналы подаёт.

В недостроенном здании, на уровне четвёртого этажа на бетонном карнизе стоял мужик в камуфляже и отчаянно махал руками, что-то пытаюсь изобразить.

Я взял бинокль, лежавший между сидениями, присмотрелся внимательней.

Мужик изображал в воздухе английские символы S. O. S.

– И что мне теперь делать, лезть его спасать? Да, чтоб тебя! Интересно, и какой идиот заложил оконные проёмы под карнизом и этажом выше? Тфу ты, блин!

Подъехал к воротам, полез назад в салон через спинку. При быстром осмотре наследства я видел моток верёвки с кошкой.

Верёвку повесил на плечо, на другое – винтовку, в руки взял свой ТТ. Замкнул двери машины, убрав ключи во внут-

ренный карман куртки, чтобы не потерять. Остановился, отпирая дверь в ограждении. Эта пара секунд может стоить мне жизни.

Мужик, увидев мои намерения, начал обратно жестикулировать, показывая на верх, на низ и на пальцах: пять, два, один.

Ага, кажется, там кто-то есть, в количестве восьми штук, трёх разных пород. Я не пессимист, но надеюсь, что пять — это не топтуны и не руберы, хотя, мне сейчас и пары обычных бегунов более, чем достаточно. Страшно, блин...

Калитка безбожно закрипела, кажется, оповестив всех на свете о моём появлении.

Весь двор был в пятнах крови и подозрительных кучках. Вагончик нараспашку зиял открытыми дверями и выбитыми окнами. На стенах кровавые брызги. Судя по всему, тут была настоящая бойня. Жившие здесь на территории гастарбайтеры обратились и стали жрать друг друга.

Широкая лестница со двора вела в большой просторный холл. Похоже, это офисное здание.

Зайдя с дневного света, немного ослеп в полумраке. Пока пытался адаптироваться, на меня с радостным урчанием кто-то напал.

Мы повалились на пыльный пол, и я увидел перед своим лицом клацающие зубы, пытающиеся отхватить мне нос. Вонь разложения ранее сожранной плоти ударила по обонянию, дыхание сбилось, желудок подпрыгнул к горлу. Жут-

кие белесые глаза добивали мою психику. Я уворачивался, как мог, пытаясь удержать зомби-узбека на расстоянии. Он был силён не по комплекции, мои силы таяли на глазах. Ещё немного, и он начнёт меня жрать. Единственное, что я сумел, это сунуть защищённую щитком часть руки ему в зубы, и пока он пытался её прогрызть, мне удалось вытащить нож и сунуть ему в глазницу. Послышался противный хруст, и нож слегка провалился. Тёмная, вонючая жидкость потекла мне на лицо. Пытаясь отвернуться от стекающей мерзости, я увидел грязные, когда-то белые кроссовки, шаркающие в мою сторону.

Напрягшись из последних сил, столкнул с себя мертвяка, прямо под ноги второму. Шаркающий споткнулся и полетел на меня, грохнувшись всем Равшаном об бетонный пол. Не знаю как, но я успел на месте перекрутиться, выйдя из сектора приземления. Подобрал упавший пистолет, засадил подряд две пули в морду и тут же услышал растущий грохот, несущийся по лестнице, словно приближался локомотив.

Я сунул руку в карман, выудил две гранаты, не глянув какие попались, машинально подготовил и швырнул в сторону показавшихся лап. Открыл рот, хватаясь за винтовку. Читал, так делать надо, чтобы не оглохнуть. Не целясь, выпустил весь магазин в ту же сторону. Быстро перезарядился, оглядываясь по сторонам.

Открытый рот не помог, я всё равно оглох. В ушах раздавался только монотонный шум, обложенный ватой. Вот пыль

немного рассеялась. Здоровенный мутант валялся на куче мусора, скребя одной передней лапой, вторая была недвижима, ноги оторваны, но ещё дёргались. Туша походила больше на фарш, чем на что-то живое. Пластины брони, образовавшиеся почти по всему телу, не помогли отожравшемуся заражённому. Ну да, патроны-то бронебойные...

На третьем этаже обнаружил два недоеденных тела. Видимо, я помешал завтраку мутанта.

Поднялся выше. На четвёртом тихо, шум слышится выше.

На шестом этаже тихонько, даже не дыша, заглянул в дверную щель.

В длинном коридоре нервно суетились два уже начавших метаморфозу зомбака.

Один в грязной майке, без штанов, второй – вообще голый, изрядно изменённый. Двигались дёргано, рвано, то замирая, то резко разворачиваясь всем корпусом, делая четыре-пять быстрых шагов, и урчали. Жутко так, утробно урчали.

Я достал светозумовую гранату и забросил подарочек, плотнее прижав двери. Жахнуло здорово. После взрыва тут же открыл огонь из винтовки. Сработало. Оба ползли, изрядно попорченные. Добил их из ТТ.

Итого, шесть вместе с недоеденными. Где ещё двое?

Я подошёл к окну и тихонько свистнул. Мне свистнули в ответ, я выглянул.

Черноволосый, слегка кучерявый мужик с широким ли-

цом, перемазанным кровью и строительной пылью, стоял, прижавшись к стене, и глядел на меня глазами полными надежды и облегчения.

– Подожди, сейчас тебе верёвку скину.

Забрался по верёвке он довольно ловко, хоть и был изрядно потрепан, измождён и, кажется, ранен.

– Спасибо, – прохрипел спасённый севшим голосом и так многозначительно посмотрел на мою флягу на поясе.

Я тут же отстегнул баклажку и протянул ему.

– Живчик тут. Вода в машине осталась.

Спасённый только моргнул глазами, типа «угу!», намертво присосавшись к эликсиру жизни и молодости.

Я стоял, рассматривая спасённого.

На вид ему лет сорок, может, чуть больше, на голову выше меня, глаза карие, с доброй искоркой, будто в них весёлые чёртики пляшут. Широкий лоб, морщинки лучиками, говорившие о задорном темпераменте обладателя. Нос с горбинкой. Вылитый молдаванин.

– Спасибо! – сказал уже более нормальным голосом, протягивая мне руку: – Арман.

– Док, – ответил я на крепкое рукопожатие.

Арман приложился ещё раз, отпил живца и отдал флягу.

– Я шестерых насчитал, а ты, вроде, восемь показывал на пальцах. Двое ещё тут где-то шляются.

– Кого завалил-то?

– Двух пустышей, одного очень здорового, не знаю, как

его назвать, он ещё двоих пустышей сожрал. И вот эти двое, – кивнул на валяющиеся на этаже трупы.

– Значит, у нас собачка одна и спидер остались. Часа два назад видел их, на улице шарились.

Я ещё раз выглянул в окно. До карниза почти два этажа лететь, как же он там угнездился?

– Ты – свежак? Как ты туда попал?

Мужик уставился на меня в полном недоумении.

– Нет, я рейдер. Убегал от топтуна. – А сам всё рассматривал меня с любопытством.

– Понятно. Тебя из города подкинуть, или ты уже сам?

– Подкинь, если не сложно. Я пока не очень-то боец.

– Пойдём. – Я махнул головой в сторону выхода.

Спускались мы, попутно чистя споровые мешки у дохляков. Арман чистил, я прикрывал. Из оружия у него был только пистолет.

– Паскуда! – пнув дохлого монстра ботинком, молдаванин плюнул на труп: – Жаль, не я его грохнул, у меня к нему свои счёты были.

– От него убегал?

– Да. Загнал гад наверх. Думал, обману, с карниза на нижний этаж спрыгну, а там – жопа, замуровали падлы! Вторые сутки на этом чёртовом карнизе сидел, надежда сдохла на рассвете. Ещё немного – и пустил бы пулю в лоб. Если честно, не думал, что ты остановишься. Буду должен. Меня в Светлом многие знают. Ты сам-то откуда?

«Не доверяй незнакомцам» твердил я всегда себе, особенно когда вокруг происходит что-то ужасное.

Хоть этот человек не вызывал опасений и даже наоборот, располагал к себе, но всё же, я старался не выпускать его из поля зрения и был готов к нападению.

– Отсюда, – ответил я, контролируя вход в здание и поглядывая на собеседника.

Помня о двух, рядом бродивших мутантах, выходить на улицу было страшно... но надо. Бежать спасённый не мог. Он шёл впереди насколько мог быстро. Я же пятился почти задом, крутясь во все стороны со вскинутой винтовкой, готовый среагировать на любое движение тварей стрельбой.

– Обошлось! – выдохнул я, закрывая двери «броневика».

Собачка с другом не пришли нас кушать, наверное, где-то загулялись.

– Подожди, паря, в смысле ОТСЮДА? Ты что – свежак?! – Спросил Арман после того, как, скрипя зубами, уместился на сидении.

У него было нешуточное удивление, граничащее с охреванием.

– Ну, да, местный я. Ты ранен? Дай гляну.

Вытащив аптечку, приступил к перевязке. Самой большой оказалась рваная рана на спине. От плеча через всю лопатку к позвоночнику кожу будто тупыми ножницами покровсали. Наложил двадцать четыре шва. Вправил вывих ступни, наложил ещё по паре швов на руках, ногах, на лбу и завершил

процедуру тугой повязкой на рёбрах. Два, точно, сломаны: правая сторона торса была серо-фиолетовой. Вручил флягу с живчиком пассажиру после штопки.

– Мне заправиться надо, сможешь помочь? А то страшно одному как-то в городе.

Не знаю, как понял мои слова Арман, но глаза у него полезли на лоб, а лицо сильно вытянулось.

– Хм, страшно ему... а ты точно свежак, ничего не путаешь?

– Точно. С этим кластером прилетел, позавчера ночью. Тут скоро заправка будет, так что, поможешь? Я, если честно, помпой не умею заправлять, да и неудобно одному, сожрать, ведь, могут.

– Да не вопрос! И с помпой всё просто. Сделаем. Воды можно ещё?

Я полез в салон, порылся в сумках и протянул ему полторашку воды. Вспомнил, что человек сутки просидел без еды, и достал колбасу, хлеб, ещё всякой снеди, что нашёл в запаках ребят.

– Это твоё. – Арман держал в руке мою часть добычи с мутантов. – Ты же знаешь, что это?

Я кивнул. Принял трофеи, ссыпал их в оранжевую коробочку, на ватку. Там уже лежало несколько штук споранов, добытых издохлого мутанта.

Арман скосил глаз на коробочку.

– Ты военный?

– Нет, врач.

Арман неопределённо хмыкнул, жуя и периодически прикладываясь к полторашке.

Я немного перекусил вместе с ним и полез за баранку.

– Док, не обессудь, просьбу имею. Тут машина моя рядом, вещи забрать надо.

На дороге, у забора, стоял УАЗик в обнимку с новеньким столбом. Разбитые стёкла, водительская дверь открыта, пассажирской – не было вообще, глубокая вмятина на крыше. Измятая крышка капота валялась метрах в пяти слева. Пятна крови кругом, автомат в пыли и обглоданный костяк.

Картина говорила сама за себя.

Арман сидел молча с минуту, смотрел. Лицо его стало серое, на лбу залегла глубокая морщина, взгляд налился свинцом.

– Прикрой, Док! Схожу, заберу всё.

Я торчал в люке с винтовкой в руках, крутя головой во все стороны. Арман копался в своей машине, скидывая в кучу разбросанные вещи. Управился он быстро, всё своё добро перетащив в «Комбат», откуда-то достал рулон мусорных мешков.

– Док, ещё минуту. Мне друга забрать надо.

Надел резиновые перчатки и принялся укладывать кости в мешок. Завязал туго, натянув сверху ещё один.

– Я в два вдел, не переживай за салон.

Аккуратно положил останки друга на пол и сел на своё

место, смурной, как туча.

Ехали молча. Я высматривал удобную заправку, а спасённый мною новый знакомый погрузился, судя по его виду, в печальные размышления.

Вдруг слева деревянный забор взорвался осколками щепок, и на дорогу вылетел монстр, видимо, бывший когда-то огромной собакой.

Чёрно-серые мышцы бугрились по всему телу, обвивая его, будто жгуты. По позвоночнику – пирамидальные наплёпки. На макушке костяной панцирь, переходящий к вытянутому затылку. Кожа местами грубая, серая, с круглыми трещинами. Кое-где свисали клочья шкуры с шерстью. Хвост больше напоминал крысиный, извивался, как брошенный шланг под напором воды. Голые уши мелко подрагивали на почти квадратной лысой голове, пасть неестественно увеличилась, челюсти ещё больше выдвинулись вперёд. Зубы шли в два ряда, то выпирая, то вгибаясь вовнутрь. Изогнутые чёрные когти на массивных лапах смотрелись, как боевой «Керамбит». Маленькие белёсые глазки, с мутными зрачками, посаженные глубоко в череп, буравили, излучая хищную ярость и смертельный лёд.

Мелкая дрожь волной прокатилась по всему моему телу. От неожиданности я придавил педаль газа и врезался в мутанта, как тараном, наваренным спереди на «броневик» клином отбойника.

Бывший пёс утробно уркнул, перекрутившись через себя

и отлетев в сторону, мигом развернулся и припустил следом за машиной, припадая на переднюю лапу.

Арман, высунувшись в люк, поливал мутанта свинцом и явно матерной бранью на каком-то странном языке. Я давил на газ, судорожно вертя баранкой, боясь во что-нибудь врезаться или заехать в ров, пролетая по тонким мосткам из досок, перекинутых через траншеи коммуникаций. Улицы были сплошь перекопаны, всюду валялся строительный хлам, торчала дизельная техника.

Резкий поворот мне дался с трудом. Влетев юзом, чиркнул задним крылом о стену. Тварюга не отставала, неслась следом с грацией пантеры и с упорством бульдозера, разбрызгивая слюни во все стороны. Кушать, видимо, очень хотелось бывшей псине. Но в крутой поворот она, всё же, не вписалась, врезавшись со всего маху в бетонный забор.

Арман, стреляя через люк очередями, орал во всю глотку: – Хас ма кула джи карт! Тэ курэл тут джюкло! Пхагэл тут дэвэл! Кар тути андэ кэрло! Стой! Стой! – заорал он ещё громче под конец тирады.

Я нажал педаль тормоза. Машина остановилась, оставив за собой тормозной след и клубы пыли. Я больно ударился грудью об руль. Арман в люке некультурно матерился на русском и ещё на каком-то. Я так и не понял, что это был за язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.